

*Любовь
Грузинова*

**ГЕРОЯМИ
НЕ РОЖДАЮТСЯ**

Любовь Грузинова
Героями не рождаются

«Издательские решения»

Грузинова Л.

Героями не рождаются / Л. Грузинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900645-5

Вся жизнь театр, но люди в нём живут... В театре прозы Любви Грузиновой кипят нешуточные страсти, но герои всех четырех представленных в сборнике историй настолько живые и узнаваемые, что читатель поневоле оказывается уже не в партере, а на сцене, проживая вместе с ними и комедию положений, и трагедию отношений, и даже участвует в детективном расследовании. Смех и слёзы, радость и боль, любовь и предательство, искрометные шутки и глубокие мысли. А самые злые шутки судьбы кончаются счастьем.

ISBN 978-5-44-900645-5

© Грузинова Л.
© Издательские решения

Содержание

Героями не рождаются	6
Изгнание из Рая	6
Гений	11
Фуршет	14
Неприятности не приходят поодиночке	18
Глаз Анаконды	20
Шоу начинается	24
Когда сроки поджимают	28
Явление Барсикова	33
Когда героями не рождаются	36
Дело ведет Чистяков,	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Героями не рождаются

Любовь Грузинова

Дизайнер обложки Маргарита Николаевна Пальшина

© Любовь Грузинова, 2017

© Маргарита Николаевна Пальшина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0645-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Героями не рождаются (юмористическая повесть с элементами детектива)

Изгнание из Рая

Обитая красным дермантином, дверь распахнулась, и толстая женщина в цветастом халате вытолкнула на лестничную клетку полуодетого мужчину. Мужчина был молод – лет тридцати, тридцати пяти. Его гладкие, зачесанные назад волосы, тускло блестели, попадая под электрический свет казенной лампочки под потолком. Гладковыбритое лицо бедняги можно было назвать красивым, если бы не плаксивое выражение, предательски искажившее некогда правильные черты. Почти правильные. Горбинка на переносице не в счет.

– Убирайся! – сотрясающей силы рев огласил унылое пространство коридора, заставляя любопытных соседей прильнуть к дверным глазкам.

Столь мощным голосовым связкам мог позавидовать весь сводный хор бывшего Гостелерадио СССР, да и сама хозяйка зычного голоса давно завоевала славу первой скандалистки подъезда.

– И чтоб я твоей рожи здесь больше не наблюдала, Казанова хренов! – Свежие раскаты понеслись вдоль стен, заботливо вымазанных службой домоуправления грязно зеленой краской.

Из груди мужчины вырвался жалостливый вздох.

– Ну, мамочка... – Он по-собачьи наклонил голову набок. – Твой лютик без тебя завянет...

Женщина уперла полные руки в крутые изгибы бедер, для пущей формы затянутые в прорезиненное белье, и снисходительно хмыкнула.

– Лютик-лилипутик! Завянет – никто и не заметит! А ну, пыли отсюда, пока я тебя с лестницы не спустила!

Несчастный судорожно сглотнул слюну и, слегка вытянув шею, кинул тоскливый взгляд поверх округлого плеча разъяренной собеседницы.

В глубине прихожей, подпирая друг дружку новенькими кожаными боками, стояли внушительного размера чемоданы. Еще час назад, их аккуратно доставали из багажника хозяйской иномарки. Внутренности пузатых красавцев, были до отказа набиты различными заграничными побрякушками и модными тряпками, к которым имела невыразимую слабость, стоящая в дверном проеме толстая тетка. Мужчина прикрыл глаза и невольно потянулся рукой к сердцу. Он знал, что в одном из этих чемоданов лежат его лучшие костюмы.

– Лапонька, но ты же не выпустишь меня на улицу в таком виде?

Он развел руками в стороны, словно давая шанс женщине лучше разглядеть его мятый льняной костюм цвета мокко.

Внутренний голос подсказывал, что костюм, купленный в недавней поездке на Капри, поможет разбудить в этой фурии ностальгию по прошлому. Женщины падки на всякого рода воспоминания. Особенно романтические.

Оставалось только изобразить на лице страдание поруганной любви и ждать.

Мужчина уже начал чувствовать, как предательски немеют руки, неестественно разведенные в стороны, когда женщина проявила ответную реакцию. Втянув широкими ноздрями воздух, она развернула грузное тело и, громко сопя, пошлепала вглубь коридора. Остановившись возле чемоданов, она движением штангиста-тяжеловеса рванула их на себя и, продолжая

удерживать груз на весу, повернулась лицом к мужчине. Взгляд ее маленьких, серых глазок, смотревших исподлобья, напомнил нечто до боли знакомое.... Однажды, по телевизору, он уже видел точно такой же взгляд. Так смотрел разъяренный вепрь на свою жертву. Мужчина вздрогнул. А что, если сейчас эта самка размахнется и со всей силы швырнет чемоданами прямо ему в физиономию?

Он стал медленно пятиться....

Но женщина повела себя непредсказуемо. Отшвырнув увесистый багаж в сторону, она сграбастала небольшой пакет, который все это время лежал незамеченным позади чемоданов, и, вплотную подойдя к мужчине, кинула пакет ему под ноги.

– Вот, забирай свое барахло!

Мужчина бросил недоуменный взгляд на полиэтиленовый сверток:

– Это все?

– Все!

– Лапочка, ты же обрекаешь меня на смерть. Как же твой зайчик будет без своей кошечки?

– Пусть теперь этот зайчик на другой грядке капусту жует! – заорала скандальная тетка, взбивая рукой, съехавший шиньон. – А с меня хватит разного рода девиц, которых ты находишь везде, куда мы не приезжаем. Даже на Капри, куда я тебя возила на собственные деньги, заработанные вот этими самыми руками, – с этими словами она сунула ему под нос мясистые ладоши, – ты умудрился найти какую-то лохудру и умотать с ней из отеля в неизвестном направлении!

– Так это ж был экскурсовод! – мужчина попытался изобразить на лице беспечную улыбку, – мы ездили смотреть раскопки древних римлян...

– Да что ты говоришь?! Только мой телохранитель, почему-то, раскопал там не римлян, а вас, и причем, в достаточно откровенном виде!

Аргумент был железный. Припечатанная его тяжестью, беспечность сползла с лица мужчины оплавленным воском.

– Ты же знаешь, пупсик, что он меня не любит...

– Ну, хоть кто-то тебя не любит! Еще скажи спасибо, что я тебе оставляю те деньги, что ты успел на мне заработать!

Мужчина наклонился и заглянул в пакет:

– Да, но.... Где же мои вещи?

– Здесь никогда и ничего твоего не было! – Толстуха с довольным видом облокотилась о дверной косяк. – Научись, в конце концов, зарабатывать на жизнь сам!

– Ну, хотя бы мой любимый костюм от Армани...

Но собеседница сочла разговор исчерпывающим и, недолго думая, с грохотом захлопнула дверь прямо перед его носом.

До уха оторопевшего мужчины донесся торопливый лязг замков.

Он еще некоторое время постоял перед закрытой дверью, сиротливо прижимая пакет к груди, затем круто развернулся, и в его темных глазах мелькнул злобный огонек.

– Толстая корова... Еще учить меня будет!

И, гордо вскинув подбородок, он уверенно нажал кнопку вызова лифта.

...Ленивые лучи уплывающего за горизонт светила еще скользили по облезлым обоям в мелкий цветочек, которыми когда-то была оклеена маленькая коммунальная кухонька, когда сутулая пожилая женщина в старых тапочках на босу ногу и в бигудях, помнящих лучшие времена, закончила приготовления к ужину.

Бросив на часы сощуренный близорукий взгляд, она спешно вытерла красные руки о линялый фартук и, высунув голову в коридор, позвала тоненьким голоском:

– Василий Степанович! Позвольте вас на минуточку?!

Коридор безмолвствовал.

Женщина покачала головой и направилась к дальней двери, перед которой живописной кучей были навалены велосипедные шины вперемешку с одинокой лыжей, боксерской грушей и детскими санками с погнутыми полозьями.

– Василий Степанович, вы спите? – женщина требовательно постучала сухоньким кулачком в дверь, затем привычным движением приложила ухо чуть повыше замочной скважины.

– Василий Степанович, Аркашуля только что звонил, сказал, что возвращается из заграничной командировки, будет к девяти часам. А у меня, как назло, хлеб закончился. Не сбегаете в булочную, а я вас борщиком угощу...

За дверью раздались шаркающие шаги. Через минуту дверь открылась, и в проеме, слегка покачиваясь, возник сосед – Василий Степанович Барсиков.

На его лысой голове, окаймленной вздыбившимся рыжим, клочковатым пухом, сонно тарачились два мутных глаза.

Василий Степанович выставил вперед ногу в синей, тренировочной штанине с грязным пузырьком на коленке и, почесывая ногтями впалую грудь, глубокомысленно изрек:

– Какие-то все странные командировки у твоего сына, Риска... – тут на него совсем некстати напала икота – ... органические... Ыть....

– Не «органические», а заграничные. Ну, так как, договорились, Василий? Сходите за хлебом?

Василий Степанович прикрыл опухшие от регулярных возлияний, веки, что для знающих людей означало одно – идет мучительный мыслительный процесс.

– Добро, Сисизмундовна... Гони полтинник.

– Почему ж полтинник?

– Да потому ж... Кем меня твой оболтус назначил в нашей шарашкиной конторе? Курьером? Вот и давай мне, на курьерские... А то сама иди, референтша...

Раиса Сигизмундовна недовольно поджала тонкие губы и протянула ему смятую купюру.

– Вот приедет Аркаша, я ему расскажу, как вы с меня деньги тянете.

– Да на здоровье! Только твой сынок знает, за что платит. Если б не я, видал бы он свои командировки...

– Вечно ты на моего сына наговариваешь. – Раиса Сигизмундовна демонстративно перешла на «ты» и повернулась к соседу спиной, давая понять, что не собирается поддерживать его грязные намеки. – Я-то знаю, как он, беденький устает. Даже дома нет времени лишний раз побыть. Все ездит и ездит. И что за работа такая пошла? Прямо на износ!

С этими словами, она посеменила в направлении кухни, рассуждая сама с собой, о том, как несправедлив к ее сыну этот мир, особенно в лице Василия Степановича, который олицетворяет собой всю скудность ума среднего обывателя.

Средний же обыватель, Василий Степанович, в это время, старательно потирал веснушчатую лысину, машинально ища то, что давно уже на ней не произрастало.

– Ну да, на износ! Знаем мы, чего он там изнашивает... – Тут Барсиков в последний раз смачно икнул и, растревоженный некстати нахлынувшими мыслями, побрел собираться в магазин.

...В другой части города-героя Москвы, в квартире институтского друга, Аркадий медленно приходил в себя, запивая осадок от утреннего инцидента свежесваренным кофе.

Его приятель, Тигрицкий, то ли по прихоти, то ли из обостренного чувства юмора родителей, с рождения названный Львом, с годами добавил к имени вожаденное для любого обалдуня понятие «светский». В свои тридцать восемь он был заядлым холостяком и существовал исключительно на деньги от аренды квартиры на Арбате, доставшейся от бабки генеральши.

Правда, время от времени ему перепало от щедрот богатеньких дамочек, искавших у него утешения от сытой скуки. Но в последнее время дамочки пошли какие-то ленивые и «клевали» на молодое тело крайне неохотно.

Непринужденно обосновавшись в элитной новостройке на западе Москвы, в двухкомнатной квартире, переделанной в «студио», Тигрицкий целыми днями валялся на диване, покуривая гаванские сигары, для полноты ощущения то и дело макая обмусоленный во рту сигарный кончик в бокал с дорогим коньяком.

– Так, значит, эта мечта Рубенса тебя вышвырнула, – устало констатировал Лев, в третий раз выслушивая взволнованный рассказ Аркадия. – Ну, а чего ты ждал? Что будешь волочиться за каждой юбкой, не отходя от источника пропитания? Что это за неземная красота, из-за которой ты теперь надолго лишен куска хлеба с икрой? Неужели так хороша?

– Да какой там! Но, скажи, разве бы ты не дернул пятьсот баксов при первой подвернувшейся возможности?

– Если бы при этом у меня был шанс потерять тысячи? Нет.

– Все этот чертов Циклоп – охранник! Я ожидал, что буренка будет дрыхнуть после своего восьмипорционного обеда, как младенец в люльке...

Тигрицкий посмотрел на Аркадия взглядом, в котором читалась усталость опытного наставника.

– Сколько тебя учи, все без толку. Ты должен был охранять свою священную корову, как Карацупа границу!

Аркадий трагически закатил глаза.

– Знаю, знаю... Ничего не мог с собой поделаться. На этом Капри деньги просто под ногами валяются.

– Ага. В виде девиц в бикини.

– К твоему сведению, эта немочка была очень даже ничего. Жаль, что все так закончилось... Я, честно говоря, рассчитывал получить с нее гораздо больше. Представляешь, я ей нагородил, что моей матери на лечение не хватает, по крохам собираю... Так она, добрая душа, возьми, да и предложи пять сотен.

На лице Тигрицкого расползлась ленивая усмешка.

– Я так понимаю, в роли больной мамочки выступала твоя розовощекая упитанная спутница?

Аркадий брезгливо поморщился.

– Что у тебя за манера постоянно наступать на большую мозоль. Рано или поздно я бы все равно от нее сбежал. Ведь если хорошенько подумать, свое я уже получил. Сто пятьдесят тысяч зеленых неплохая плата за полтора года подобной работенки, как ты считаешь?

Лев равнодушно пожал плечами и продолжил медленно цедить коньяк.

Аркадий взглянул на часы.

– Черт! Как время летит! Меня давно ждут дома.

– Скажи, а твоя прародительница по-прежнему не догадывается, чем занимается ее единственное любимое чадо?

– Моя мама живет в святом неведении и не следует ее оттуда извлекать. Чудо, а не женщина! Чего не скажешь о моем соседе. Эта ищейка на пенсии сует свой нос, куда не следует. Приходится все время сбивать ему ориентиры при помощи бутылки водки. Кстати, когда у нас следующий выход в свет?

Лев кошачьим манером стянул со столика толстый кожаный ежедневник.

– Сейчас посмотрю... Послезавтра в шесть тридцать презентация молодого дизайнера на Крымском валу. Будут все наши.

Аркадий нахмурился.

– Это значит, что у меня в запасе только день на подготовку. Не густо.

– Успеешь. – Лев пустил в его сторону струю сигарного дыма. – В конце концов, загар у тебя есть, на солярий время тратить не придется. Что касается одежды, то пробежка по магазинам сейчас весьма кстати. Взбодрись, снова почувствуешь вкус к жизни... – Тут он сладко зевнул, давая возможность собеседнику рассмотреть свое последнее приобретение – зубы, талантливо произведенные в одной из элитных клиник столицы и стоящие, как все сокровища Али-Бабы вместе взятые. Глядя на такие зубы, сама природа почувствовала бы себя серой бездарностью! – Да, сделай одолжение, – Тигрицкий, наконец, захлопнул свой драгоценный рот, – возьми напрокат какой-нибудь приличный автомобиль. Когда ты появляешься за рулем своего поношенного «мерса», дамочки автоматически теряют к тебе интерес.

Вот тут Аркадий почувствовал себя по-настоящему уязвленным. Конечно, его «мерс» был далеко не новым, но благодаря каждодневному уходу и заботе, он выглядел очень даже неплохо.

– Моя машина хоть и поношенная, зато собственная. А тебе приходится все время у других просить. Это унижительно.

Лев отложил сигару и произнес то, что все чаще и чаще приходило на ум Аркадию, и что он, Аркадий, боялся сказать сам себе вслух.

– Жизнь вообще бывает крайне унижительной штукой... Особенно тогда, когда ты позволяешь ей себя унижать.

Гений

Раиса Сигизмундовна порхала вокруг стола, как бабочка капустница, то и дело пододвигая любимому чаду тарелки с закуской, когда из магазина с батоном подмышкой вернулся Василий Степанович Барсиков.

– Привет, командировочным! – бодро отрапортовал он, прикладывая ладонь к воображаемому козырьку.

Аркадий отвечал коротким кивком головы, не отрываясь от поглощения борща.

– Ну, как работа? – Василий Степанович передал буханку Раисе Сигизмундовне и плюхнулся на табуретку напротив Аркадия. – Не угорел еще?

– Как видишь... – Аркадий принялся нервно перемешивать остатки жидкости в тарелке.

– Тогда чего злой? Денег мало заплатили?

– Тебе какое дело, кто мне и сколько заплатил?

– Мне, представь, до этого очень даже большое дело. – Барсиков откровенно игнорировал всяческие намеки, идущие от Раисы Сигизмундовны, с тем, чтобы оставить ее сына в покое своими расспросами. – Кстати, что-то я чемоданов в коридоре не увидел. Ты их потерял, или это теперь так принято в командировки налегке ездить?

– Украли у меня чемоданы, ясно? – Аркадий в сердцах швырнул ложку прямо в содержимое тарелки, расплескивая его по всему столу. – Прямо в аэропорту!

Раиса Сигизмундовна в ужасе прикрыла рот рукой.

– Ох уж эти аэропорты. При таких масштабах не мудрено и потерять. – Барсиков сделал характерное округлое движение руками, напоминающее толстую женскую фигуру. – Знаешь, как в песне: «кто-то теряет, кто-то находит...». Глядишь, кому-то с этим аэропортом повезет больше, мягче приземлиться.

– Шел бы ты... Степаныч... – на скулах Аркадия заиграли желваки. – Как-нибудь без твоих сочувствий обойдусь.

– Да я-то пойду, мы люди, как говорится, не гордые, – Барсиков наклонился к Аркадию, заговорщицки подмигивая. – Только не забывай, кому ты обязан своей богатенькой клиентурой.

Услышав недвусмысленное замечание Барсикова, Раиса Сигизмундовна нахохлилась, точно несущка, у которой собираются отнять единственное яйцо.

– Василий Степанович, хотела бы заметить, что ваши манеры распоясавшегося дворника сейчас некстати...

– Я, Сисизмундовна, не министр какой, поэтому и манеры имею соответствующие, А вот когда, министр, как вы тут только что изволили выразиться, выбирает манеры «распоясавшегося дворника», вот тут-то в стране и начинается неразбериха.

На этот раз философское замечание вездесущего Степаныча выдержать не представлялось возможным. Известный факт, что философия ни в какую не ложится на голодный желудок, был неизвестен Барсикову. Его маленькие потребности удовлетворялись сразу и легко – водка и кусок жареной колбасы. Поняв, что данные потребности, Барсиков успел удовлетворить еще до его приезда, Аркадий поднялся из-за стола и, пресекая попытки соседа продолжить тонкую нить беседы, кивком головы обозначил ему направление движения.

– Чувствую, в этом доме мне спокойно поесть не дадут. Мама, мы с этим оратором выясним пару вопросов, и я тут же вернусь. Так что, котлеты держи теплыми, как я люблю. Пойдем, помощничек, доложишь свежие новости в приватной атмосфере.

С этими словами, он подхватил Барсикова под локоть и поволок в коридор.

Оказавшись в привычной для себя обстановке, которую составлял покосившийся комод, тумбочка и, покрытая зеленым шерстяным одеялом, кровать с панцирной сеткой, Василий Степанович довольно заурчал и выудил из кармана пачку дешевых сигарет.

Но Аркадий был начеку.

– Не кури! От твоих папирос мухи на лету дохнут. Давай, пока есть время, подкорректируем наши списки...

– Списки-ириски, мать их... – Василий Степанович послушно прошкондыбал к тумбочке и сгреб с нее кипу помятых листочков. – На вот... Зелеными чернилами помечены те, кому назначено на этой неделе, синим те дамочки, кто пока согласия не дал, а красным я отметил выбывших из списка.

Просмотрев внимательно фамилии, помеченные злосчастным красным цветом, Аркадий присвистнул.

– Однако! Я терплю существенное количественное поражение! Пока я прохлаждался на Капри, гляди, Оксана вышла замуж, а эта, банкирша и вовсе уехала за границу....

Барсиков скорбно поскреб трехдневную щетину.

– Считаю, тысяч пятьдесят потеряли.... Ты мне костюм привезти обещался. В синюю полоску и галстук. Что я теперь мужикам во дворе скажу? Засмеют же...

Аркадий в сердцах скомкал испещренную красными чернилами бумажку и бросил на пол.

– Все из-за этой чертовой бабищи с ее Циклопом! Вот что значит, не на тот забег поставить! Не женщина, а Карелин в юбке. Знаешь, сколько мне пришлось ее обхаживать? Да любой МХАТ по мне рыдать должен, как я играл! Она до последнего дня не заподозрила, что мне на нее чихать с Кремлевской башни.

Барсиков хотел добавить что-то, по его мнению, очень значимое в эту историческую тираду, но тут в коридоре раздалось дребезжащее треньканье телефона.

Послышались шлепающие шаги Раисы Сигизмундовны и ее неизменное деловитое «алло».

– Кого?! – было слышно, что Раиса Сигизмундовна приятно удивлена, в ее голосе появились характерные подбострастные нотки. – А... Конечно он дома. Только что приехал. Секундочку... Аркашуля! Тебя к телефону милый женский голос!

Аркадий догадывался, кто может беспокоить его сегодня милым голосом, причем именно в это время, поскольку сам назначил звонок. Но игра есть игра. Он не спеша открыл дверь и с достоинством проследовал к телефону. Позади него, как верный Санчо Панса плелся Василий Степанович, держа наизготове исписанный лист бумаги.

– Слушаю вас... – Аркадий постарался придать своему голосу как можно больше значимости, понизив тембр и заставив его вибрировать на низких частотах.

На другом конце провода послышались истеричные всхлипывания.

– Мерзавец! Как ты мог меня оставить в ресторане? Я тебя ждала, как идиотка, целых два часа...

Если бы эта милая дуреха знала, что ответный текст был приготовлен задолго до того момента, как ему вообще пришла в голову мысль повести ее в тот ресторан. Деньги с нее он успел получить вовремя, разыграв перед глупышкой целый спектакль с ночными звонками от неизвестных лиц, нагло угрожавших его драгоценному здоровью. Надо ли уточнять, что текст от имени и по поручению «неизвестных» талантливо читал Барсиков, засунув за щеку кусок горбушки и нещадно ругаясь «по матушке». Так что, сцена с таинственным исчезновением стала логическим завершением их недолгого, но, безусловно, бурного романа.

– Послушай... – тут из его головы напрочь вылетело имя звонившей, – Солнышко... Ты же знаешь, какая у меня работа... – Внезапно он перешел на таинственный шепот. – Я не могу тебе многого рассказать...

На другом конце провода обиженная девица еще пыталась вставить короткие обвинительные реплики. Но они так и остались не услышанными благодатной аудиторией в лице Барсикова и Раисы Сигизмундовны. Зато аудиторию порадовали ответные реплики Аркадия, с помощью которых можно было составить понятие о серьезности и крайней важности происходившего.

– Ну, дорогая моя... Нет, сейчас не время... Ты же знаешь, это мой долг.... Ну, успокойся, со мной все будет хорошо.... Отказаться? Нет, я не прошу себе этого! Ты же умница, ты все, все понимаешь.... Это секретная миссия.... Северное Конго... – Тут Аркадий применил тактику стремительного сворачивания разговора. – Все! Я и так сказал больше, чем положено. Мой телефон может прослушиваться. Прощай... Обещаю, я тебя никогда не забуду!

С этими слова, он аккуратно положил трубку.

На лицах зрителей читалось немое благоговение.

– Звонила писательница Ермакова... Ну, та самая... Вы знаете... – Аркадий придал лицу оттенок легкой небрежности. – Просила подсказать сюжетную линию для героя очередного детектива. Пойдемте, Василий Степанович, продолжим наше совещание.

С этими словами, он взял соседа под руку и увел его назад в комнату.

– Гений...

Раиса Сигизмундовна в восхищении проводила его взглядом. В ее сердце в этот момент бушевало пламя материнской гордости, сжигающее последние сомнения.

Фуршет

Лев Тигрицкий уже битых пол часа ждал Аркадия у входа. На улице дул промозглый ветер, и приглашенные гости, ежась под его порывами, торопливо семенили по парадной лестнице, устремляясь к манящему сиянию хрустальной люстры за двойными стеклянными дверями. Лев с любопытством взирал на красочную толпу, отыскивая знакомые лица. Он был заядлым тусовщиком, и поэтому точно знал все последние светские новости. Кто с кем, за сколько и на сколько. Он чувствовал себя в этом мире тщеславия комфортно и непринужденно. Ему нравился показной человеческий фарс. В своем кругу он пользовался доверием и дружеским расположением, насколько эти понятия вообще были уместны в подобных кругах.

Неожиданно к парадной лестнице медленно «причалил» серебристый Хаммер. Движение застопорилось. Позади уже начали сигналить самые нетерпеливые, когда пассажирская дверь распахнулась и глазам изумленного Льва предстал Аркадий собственной персоной.

Лев удивленно вскинул бровь и медленно пошел ему навстречу.

– Ай, молодец! – Лев по-отечески похлопал Аркадия по спине. – Помылся, побрился и даже зафрахтовал крейсер Аврору!

В этот момент водитель Хаммера нажал на газ, и из выхлопной трубы вырвался оглушительный хлопок. Стоявший позади Хаммера желтый Смарт зашелся в истошном сигнале.

Лев усмехнулся.

– А вот и залп...

Аркадий недовольно посмотрел в сторону сигналящей малютки, и, заметив за рулем испуганное лицо женщины, грубо заметил:

– Что это еще за лягушонка в коробочке? Эй, детка! Здесь взрослые дяди гуляют, так что греми отсюда!

Лев с силой дернул его за рукав.

– Ты хоть знаешь, кто это?

Он принялся что-то быстро нашептывать на ухо другу. На лице Аркадия произошла быстрая смена выражения. В следующую же секунду он подскочил к Смарту и с услужливой улыбкой распахнул водительскую дверь.

– Мадмуазель, позвольте... – Он осторожно извлек на свет хрупкую блондинку в коротеньком блестящем платьице. – И не говорите! Разъездились тут... Еще бы на танке приперлись! Человеку на приличной машине невозможно спокойно проехать!

С этими словами он любовно провел по фирменному значку маленького автомобильчика и с достоинством повел даму к входу.

...В ярко освещенных залах толпилась светская публика. То здесь, то там вспыхивали фарфоровые улыбки, в которых отсвечивал хрусталь бокалов. Аромат духов дурманил насыщенной смесью всевозможных ингредиентов, щедро пролитых на тела и одежды. Плавно флагирующие женщины лениво потягивали дорогие коктейли, время от времени, сканируя окружающее пространство на предмет спутника на предстоящий вечер.

В этой атмосфере ненавязчивого лицемерия, Лев чувствовал себя, как рыба в аквариуме. То и дело к нему подходили ухоженные женщины, и он принимался игриво щебетать с ними о всяких не стоящих внимания пустяках, поминутно целуя их в щечки и прижимая за талию. С его легкой руки, Аркадий за двадцать минут был представлен, по крайней мере, десятком представительницам прекрасного пола. Столь внезапный успех поспособствовал поднятию тонуса, и уже на пятом знакомстве, Аркадий светился ярче своих золотых запонок.

Лев взял с подноса официанта второй бокал с коньяком и, толкнув друга вбок, кивнул куда-то вдаль:

– Смотри, какая сочная женщина. Как раз в твоём вкусе.

– Где? – Аркадий искал глазами в толпе приглашенных.

Лев закурил сигару и ткнул ею в направлении противоположной стены.

– Где раньше было окно.

Аркадий перевел взгляд и увидел высокую полную даму в свободном брючном костюме. Она стояла, держа в руках фужер с красным вином, и грустно окидывала взглядом проходящих мимо мужчин. Аркадий успел отметить про себя со вкусом подобранные ювелирные украшения незнакомки, причёску, изящную сумочку и даже дорогую обувь.

– Что, впечатляет? – Лев наблюдал за другом, как наблюдает за пациентом дорогой психоаналитик. Вроде все и так ясно, но пациент платит, а значит, приходится демонстрировать заинтересованность.

Аркадий перевел дух.

– Перспективный вариант. Обычно у меня с *такими* проблем не возникало.

Он кокетливо пригладил зачесанные назад волосы.

– Думаю, стоит попытаться познакомиться поближе. Как ты считаешь?

Лев окинул пышнотелую даму, затем скептическим взглядом прошелся по щуплой фигуре Аркадия и ехидно заметил:

– Не боишься пропасть без вести в этом океане любви?

Аркадий задорно рассмеялся.

– Я смелый. Вот увидишь, этот крейсер будет стоять в моих водах, – поставив свой бокал на поднос проходящего мимо официанта, Аркадий поспешил навстречу очередной авантюре.

– Если что – дай SOS! – успел крикнуть ему вслед Лев. – Я брошу тебе спасательный круг!

Но Аркадий его уже не слышал. Пританцовывая в ритме вальса, и захватив по дороге два бокала с шампанским, он стремительно приближался к даме у окна.

Проходя мимо большого зеркала, он не удержался и придиричиво оглядел свое почти безупречное отражение.

– Не зря говорят умные люди: красота – страшная сила!

Ловко обходя одного гостя за другим, он подошел к незнакомке и, не дав ей опомниться, шаркнул ножкой.

– Разрешите?..

Дама с удивлением подняла на него большие темные глаза.

– Вы ко мне?

Низкое контральто обдало собеседника теплой волной. Отчего-то сразу захотелось парного молока, да так, чтобы бежало струей по подбородку. Аркадий решительно махнул головой и обнажил в улыбке крепкие зубы.

– К вам!

Дама зарумянилась.

– Я вас слушаю...

Тигрицкому, которому пришлось наблюдать за процессом обольщения издали, вся последующая сцена напомнила кадры киноленты. Вот Аркадий что-то жарко объясняет своей новой спутнице, жестикулирует, ходит вокруг нее кругами, поминутно успевая стащить с подноса мимо проходящего официанта очередную бокал с шампанским. Дама пьет, слушает, хлопает глазами и улыбается. Вот они уже танцуют, и он кладет ей голову на внушительного размера бюст и рассказывает что-то жалостливое с трагическим выражением на лице.

О, ужас! У дамы на глазах появляются крупные слезы, она промокает их платком и по-матерински гладит Аркадия по голове.

Лев сделал большой глоток коньяка и покачал головой. Его друг был «на коне»!

– ... И это еще не вся история моих злоключений, – тем временем вещал неумный покоритель женских сердец. – Если бы вы знали, как одиноко на этих сборищах. Мне не хватает

родственной души, человеческого тепла, широкой груди... – тут Аркадий спохватился и внес коррективы, – я хотел сказать, крепкого плеча, на которое можно было бы опереться в трудную минуту... – Неожиданно его лицо просветлело. – А давайте уйдем отсюда? Убежим, улетим, унесем от этих бездушных людей! Туда, где в уединении, вдали от посторонних глаз я смогу, наконец, распахнуть вам свое истерзанное сердце...

Дама слушала его, затаив дыхание. На последних словах, она не выдержала и рывком бросилась к оставленной на стуле сумочке.

– Так увезите же меня! Скорее! – она повернула к Аркадию свое пылающее от возбуждения лицо.

Аркадий галантно предложил ей руку.

Но даму обуяло слишком сильное смятение, чтобы довольствоваться столь мизерным актом внимания. Не дав Аркадию опомниться, она прижала его тело к своему мощному бедру и поволокла вон из зала, пробивая себе путь в потоке гостей, точно арктический ледокол.

Перед тем, как скрыться за дверью, Аркадий успел высмотреть в толпе лицо Тигрицкого и из последних сил крикнуть:

– Приготовь, спасательный круг! – затем вздохнул, и обреченно добавил. – А лучше всю команду МЧС сразу...

В следующую минуту, дама вынесла незадачливого кавалера из здания.

... – Какой же ты сладкий, – протяжным низким голосом произнесла женщина.

Послышался звук поцелуя... Аркадий почувствовал, как его ноги медленно отрываются от пола, и вот он уже висит в воздухе, слегка подпрыгивая начищенными до блеска ботинками, а его пышногрудая спутница, прижимая его к стене, жадно впивается в него губами.

Он даже не помнил, как они доехали до ее квартиры на Беговой. Эта нимфа всю дорогу пыталась заглотить его подобно анаконде – целиком, чем напугала водителя такси. Бедняга отчаянно гнал по Садовому кольцу, видимо полагая, что если она успеет заглотить пассажира, то там уж и до водителя недалеко!

Наконец пухлая дива оторвалась от губ Аркадия и с трудом, не выпуская жертву из рук, протиснулась в дверь темной комнаты.

Зажегся свет. С трудом выдержав получасовой любовный напор своей спутницы, Аркадий стал медленно соображать. Он очнулся только тогда, когда его подняли и осторожно посадили на что-то мягкое. «Диван», туманом пронеслось у него в башке. Он открыл глаза и огляделся. Точно. Он сидел на диване среди груды разноцветных подушек, а над ним маячило розовощекое лицо его новоявленной знакомой.

– Жди меня..., – донесся до слуха грудной, полный страсти голос. – Еще немного, и я буду твоей...

Хлопнула дверь, и наступила тишина.

Аркадий откинулся на спинку дивана и перевел дух.

– Правильно говорит моя мама – работаю на износ...

Тут до его слуха донеслись раскатистые звуки романса «Отцвели уж давно...», исходившие из ванной комнаты. «Прекрасно! Это чудо еще и в ванной воет!» Аркадий встал и принялся с интересом разглядывать обстановку в комнате. Тут его взгляд наткнулся на большой шкаф, заполненный спортивными наградами – кубками, медалями, многочисленными грамотами и статуэтками.

– Интересненькое дельце.... Это чье ж такое богатство? – Аркадий подошел вплотную к шкафу и распахнул стеклянные дверцы.

Прямо перед ним стояла большая фотография в золотой рамке с вензелями. Приглядевшись, Аркадий почувствовал, как по его спине в панике пронеслось полчище мурашек. На фотографии во всей своей мощной красе, была изображена та, которая в эту самую минуту

с наслаждением мычала в ванной, поливая себя водичкой! Причем изображена она была на ринге во время соревнований по сумо, в броске швыряющей свою противницу на татами.

У Аркадия затряслись руки. Он осторожно вернул фотографию на место и медленно попятился к выходу.

– Вот это называется – попал.... Надо драпать отсюда, пока и меня не укатали в матрац...

На цыпочках, короткими перебежками, он устремился к входной двери. Но когда до цели оставалось всего лишь дотянуться рукой, из ванной комнаты в коротеньком пеньюаре с рюшами, под которым виднелось кружевное белье, появилась хозяйка квартиры. Глядя на, застывшего в испуге Аркадия, она принялась недоуменно теребить бантик на бретельке бюстгальтера:

– Аркадий Георгиевич.... Вы куда это?

Аркадий вжал голову в плечи и, вымучивая на лице улыбку, попытался достойно выйти из положения.

– Да.... Тут Позвонили.... Надо срочно ехать в аэропорт.... Неожиданно прилетела делегация из Буркина Фасо.... Я их ждал завтра, а они, возьми, да и прилети сегодня. Иностранцы, одним словом....

– Но... как же наш романтический вечер?

– Я вам обязательно позвоню.... На недельке....

В глазах женщины зажегся недобрый огонек. Этот отказ был не первым в ее жизни. Она устала от того, что мужчины относились к ней, мягко скажем, настороженно, поэтому она не желала упускать сегодняшний шанс. Пусть даже если этим шансом оказался тщедушный хлюпик в модном костюмчике.

Издав боевой клич, она встала в характерную стойку, тяжело перенеся свое тело поочередно с одной ноги на другую, давая понять противнику, что не намерена отдавать долгожданный приз. Аркадий смекнул, что сейчас его, возможно, будут больно бить, и в панике заметался на входном коврике, пытаясь нащупать за спиной дверную ручку.

– Вы что делаете?! Мы же с вами цивилизованные люди... SOS!!!

Его голос потонул в разъяренном реве оскорбленной сумоистки.

– Делегации подождут, а вот Амалия Боб ждать не привыкла!

Тут мозг Аркадия спешно отключился, и окружающее пространство погрузилось в крошечную темноту.

Неприятности не приходят поодиночке

...Ранним воскресным утром жильцы дома на Беговой наблюдали прелюбопытнейшую картину. Из открытых дверей их подъезда, навстречу солнечному дню, слегка прихрамывая и волоча по асфальту помятый пиджак, вышел мужчина. Его вид вызвал бы сожаления даже у черствых сердцем насмешников. Галстук съехал набок, рубашка была расстегнута в виду отсутствия на ней половины пуговиц, брюки измяты, а ремень лишился своей пряжки настолько стремительно, что на ее месте теперь зияла рваная дыра.

Аркадий (а это был именно он) тоскливо поднял глаза вверх. На балконе четвертого этажа стояла его вчерашняя пассия и с откровенно издевательским видом посылала ему воздушный поцелуй.

Леший бы ее подрал! Аркадий потер шею и болезненно наморщился. Никогда еще любовь его так не травмировала. Спину ломило, на запястьях красовались синяки... Ну кто поверит, что его не грузовик переехал, а всего лишь женщина под сто сорок килограмм?

Отряхнув пиджак, Аркадий двинулся в направлении оживленной улицы. Машин в этот час было не много, да и его вид не располагал к тому, чтобы кто-то остановился по первому взмаху изможденной руки.

Блестящую красную иномарку, медленнодвигающуюся вдоль обочины, не заметить было невозможно. Сквозь лобовое стекло было видно, что за рулем сидит милого вида блондиночка и увлечено трепещет по телефону. Аркадий поднял руку, пытаясь привлечь к себе внимание обладательницы яркого авто, но – увы! Девушка была увлечена разговором, и мобильный телефон в данный момент интересовал ее больше, чем какой-то субъект на обочине. «Кого они вообще интересуют, эти субъекты на обочинах жизни?», невесело подумал Аркадий и, наполнившись едким сарказмом в отношении себя, громко хмыкнул.

И тут ему в голову пришла очередная гениальная мысль. Он терпеливо подождал, пока дамочка отвлечется, и прыгнул навстречу иномарке, распластавшись на капоте с криком «Помогите!».

Девица отчаянно завизжала и, отбросив телефон, вдавила педаль тормоза в пол. Машина встала, точно конь на краю пропасти, сбросив Аркадия на асфальт. Моментально вокруг пострадавшего начали собираться немногие любопытные. Ну, любит наш народ трагедии, чего уж там скромничать!

С округлившимися от ужаса глазами, девушка выпрыгнула из машины и насколько позволяла высота ее шпилек, быстро подбежала к пострадавшему.

– Что... Кто... Вы живы?!

Из толпы зевак послышались дельные советы:

– Надо вызвать милицию.

– Лучше скорую помощь.

– Лучше и тех и других вместе.

Аркадий приоткрыл глаза, обвел публику мутным взглядом и тихо прошелестел:

– Ничего, ничего... Я в порядке. Сейчас немножко полежу тут...

Зрители благодарно охнули. В эту минуту, Аркадий подумал, что в нем безвозвратно погиб великий трагик. Его мозг, получивший легкую встряску от удара, принялся рисовать ему красочные картины: вот он всеми покинутый король Лир, скорбно подводящий итог своей жизни, или нет, он – Гамлет! И он умирает... Всеми преданный, покинутый и непонятый...

Девушка попыталась поднять разлегшегося перед ее машиной Аркадия, но он нарочно повис всем телом у нее на руках, не давая возможности его сдвинуть и тем самым нарушить его сладкие фантазии.

– Вам нельзя здесь лежать, – блондинка обеспокоено потрогала его лоб теплой ладонью. – Давайте я отвезу вас домой? Где вы живете?

Аркадий подарил ей бессмысленный взгляд и простонал:

– У меня есть дом?..

Девушка решительным жестом призвала одного из близстоящих зевак себе в помощники, и они вместе кое-как поставили Аркадия на ноги.

– Садитесь в машину, потом вспомните, что и где у вас есть, – почти командным голосом заявила она Аркадию и сердито оглядела толпу. – Иначе этот бесплатный цирк никогда не кончится.

Аркадий, жалобно постанывая, скорчил гримасу мученика и принялся залезать на переднее сидение.

– Ноги приберите. Не на курорте... – девушка резким движением захлопнула его дверцу и поспешила за руль.

Глаз Анаконды

Аркадий ликовал. Пусть к его помятости прибавилась еще и уличная пыль, но зато он честно заслужил свой завтрак и чашечку кофе в придачу. И все это у милой белокурой крошки из красной иномарки. Сказка, а не жизнь!

Очутившись в квартирке своей новой знакомой, он сразу смекнул, что та живет одна. На это указывала и обстановка в комнатах и одинокая зубная щетка на полочке в ванной.... Пока Аркадий наслаждался горячим душем, на кухне уже закипал крепкий кофе и резались бутерброды.

Сквозь льющиеся струи воды, донесся звонок в дверь. Аркадий привычно вздрогнул, но тут же облегченно выдохнул: девушка не замужем, так что разбираться с разъяренным супругом ему сегодня не придется. Хоть этот день пройдет без неожиданностей. Аркадий выключил душ и принялся неторопливо растирать покрасневшее тело.

Внезапно благословенную тишину квартиры разорвал женский крик. Затем послышался топот нескольких пар ног в направлении комнаты.

Аркадий замер, как кролик, которого застигли жующим чужую морковку. Замотав бедра в широкое полотенце в яркий горох, он испуганно прислушался. Судя по доносившимся голосам, в квартире находилось от трех до пяти человек. Мужские голоса звучали спокойно и даже несколько вяло, словно процесс внезапного посещения чужих квартир был для этой гоп компании делом, приевшимся до оскомины на зубах.

Аркадий тихонько приоткрыл дверь ванной комнаты и высунул наружу мокрую голову.

Спиной к нему стояли трое мужчин огромного роста в безукоризненно белых рубашках и черного цвета брюках классического покроя. Их лица были обращены к окну, возле которого испуганно сжалась девушка. Ее взгляд был устремлен куда-то вниз, туда, откуда доносился вялый голос. Владельца голоса загораживали мощные торсы «орангутангов», как их окрестил про себя Аркадий.

– Где бриллиант? – голос говорившего скисал с каждой секундой. – Я тебя спрашиваю, женщина, где «Глаз Анаконды»?

– Извините, конечно, но я не понимаю.... – девушка в свою очередь в недоумении смотрела на пришельцев, стараясь бодриться, и это у нее неплохо получалось. – Откуда у меня чей-то глаз? Я вам, что, офтальмолог?

– Мы знаем, что бриллиант племени Гранд Чероки находится в этой квартире, и тебе лучше не упрямиться... – Голос решил поднажать на страх. – Знаешь, что бывает с красивыми девушками вроде тебя, когда они начинают ломаться не по делу?

– А!.. Так вы из автосалона, по поводу новой машины? Так бы сразу и сказали... – Девушка захлопала ресницами и попыталась улыбнуться.

Тяжеловесы недоуменно переглянулись.

– Я не знаю ни о какой машине. Я пришел, чтобы забрать то, что принадлежит мне по праву. Последний раз тебя спрашиваю, женщина, где бриллиант?

– Да на какой фиг мне ваш бриллиант? Я сроду ничего кроме бижутерии не носила! Вон, все побрякушки в коробке... – Она махнула рукой на сервант.

Один из громил подошел к серванту, чтобы взять внушительного размера коробку. И в этот момент Аркадий наконец-то увидел загадочного владельца голоса. Им оказался толстенный лысый Карапуз средних лет в мягком джемпере и белых брюках. Его короткая шея, ни в какую не хотела уместиться в пределах ворота, поэтому свисала вниз рыхлыми розовыми складками. Схватив поднесенную ему коробку пальцами-сардельками, толстячок принялся энергично в ней рыться. Наконец он выудил на свет небольшого размера бархатную коробочку.

Покрутив ее и так и сяк, он щелкнул скрытым замком, отчего верхняя крышка коробочки отъехала назад, открывая глазам присутствующих большой желтый камень.

– Вот он, «Глаз Анаконды», – Карапуз довольно хрюкнул и, достав драгоценность, принялся рассматривать ее со всех сторон, словно ребенок долгожданную игрушку.

– Блин, вот я дурра-то.... – глаза блондинки растеряно шарили по переливающимся граням камешка. – Думала, бывший муженек стекляшку мне подсунил!

Карапуз ехидно прищурился.

– Это он нам попытался стекляшку подсунуть, за что и кормит сейчас рыб. А ты, девочка моя, поедешь с нами. Что с тобой делать, я потом соображу. В жару плохо думается...

Аркадий впоследствии плохо помнил, что подвигло его на тот безумный шаг. То ли горячий душ привел его мозг в расслабленное состояние, то ли сказались бурные события последний дней.... Так бывает: ты точно проваливаешь сквозь реальность, как сквозь некую пелену и начинаешь жить иной, неожиданной для себя жизнью. Как правило, это длится несколько мгновений, но последствия дают о себе знать еще о-го-го как долго! Так случилось и с Аркадием, когда он вылетел из ванны, словно ему дали пинка под зад.

Появления полуголого мужчины в комнате никто не ожидал, поэтому эффект внезапности, о котором так любят говорить стратеги и тактики, удался на славу. Прыгнув на Карапуза точно бешенный Маугли, Аркадий на лету выхватил из его рук бриллиант, и, с трудом удерживая полотенце на уровне талии, пулей понесся к входной двери.

– Держи вора!!! – заорал пришедший в себя толстяк и рванул за ним. Безусловно, у него был шанс задержать воришку, во всяком случае, он в это верил, пока не наступил на край собственных штанов и не вошел в «штопор». Стоящий рядом охранник успел вытянуть длинные руки и подхватить шефа в последнюю секунду на подлете к полу. Он аккуратно привел резвого начальника в вертикальном положении и принялся отряхивать его, точно заботливая мамаша.

– Догнать! Убью гада!!! Чтоб вас разорвало, олухи несчастные!

Карапуз бесновался, топая толстыми ножками и брызгая слюной в спины убегающих охранников. Выкрикнув им вдогонку последнюю порцию проклятий, он повернул покрасневшее от ярости лицо и уставился заплывшими глазками на испуганную девушку.

– Ты мне за это заплатишь.... – прошипел он, надвигаясь на нее.

В следующую же секунду девушка почувствовала резкую боль в левом боку, и ее сознание, на мгновение вспыхнув, погасло, словно перегоревшая лампочка.

Худенький подросток медленно брел по знойной летней улочке, когда прямо на него выскочил мокрый мужчина в одном полотенце. Еле увернувшись от него, мальчишка встал, изумлено наблюдая за тем, как голый человек петляет между деревьями с завидной точностью в маневрах. Не успел он скрыться за рядом металлических гаражей, как мимо мальчишки пронеслись трое угрожающего вида парней в белых рубашках.

Повинуясь внезапному порыву, пацаненок сорвался с места и ринулся за ними следом.

Тем временем, Аркадий добежал до последнего поворота и понял, что оказался в тупике. Слева и справа высились глухие стены домов, прямо перед ним была довольно высокая стена, за которой угадывалось уличное движение, а позади уже слышалось натужное сопение его преследователей. Аркадий заметался из стороны в сторону, соображая, что предпринять. Стена, за которой сновали автомобили, была без всяких видимых выбоин и сколов. Было видно, что ее недавно любовно освежили краской.

– Любители субботников, мать их.... – сквозь зубы бросил Аркадий, прижимаясь потной спиной к холодному камню. – Все бы им перекрасить да прилизать!

Он прикрыл глаза и постарался дышать ровнее. Сердце стучало, как сумасшедшее, прыгая от груди к вискам и назад. В конце концов, в таком плачевном виде он далеко не убежит.

Ноги стерты в кровь, во рту пересохло, в руках.... Аркадий разжал кулак и посмотрел на бриллиант. И что его дернуло стащить этот бульжник?

– Эй, припадочный... – раздалось внезапно откуда-то сверху. – Давай руку, а то твои дружки уже близко...

Аркадий поднял голову. Прямо над ним, перегнувшись через край стены, свисал пацан лет двенадцати в застиранной футболке неопределенного цвета.

– Ну?.. Сколько мне здесь торчать?! – мальчишка сердито ударил Аркадия здоровенной веткой по голове.

– Ты что, вконец сдурел?! – Аркадий ухватил ветку и потянул на себя.

– Вот-вот.... Давай, тяни! Поднимайся уже.... Ногами работай....

Мальчишка напряг худенькие мускулы на руках. Аркадий, положив бриллиант за щеку, схватился за предложенную палку и из последних сил, цепляясь пальцами ног за шершавую поверхность стены, начал подтягивать измученное тело вверх.

– А ну стой, сволочь!!!

Из-за угла показались утомленные бегом охранники. Не надо было быть большим экспертом-физиономистом, чтобы с первого взгляда угадать, что ребята были сильно разозлены. И не столько от того, что у них из-под носа украли ценность босса, сколько от того, что при этом им еще пришлось поучаствовать в уличном марафоне.

– Что ты как сонная муха ползаешь.... – мальчишка тем временем, продолжал тащить Аркадия на стену. – Сейчас из тебя отбивную сделают, а ты болтаешься тут, словно на аттракционе...

Охранники, видя, что их жертва отчаянно пытается преодолеть стену, тут же включили «пятую» скорость. Их ускорение, в свою очередь, придало Аркадию невиданные до этого момента силы. Он буквально взлетел на стену в тот самый момент, как один из преследователей чуть было не сцапал его за голые лодыжки.

– Ну, ты дал... – мальчишка, выпятил нижнюю губу в знак уважения. – А я думал, что ты слабак.

– Поговори еще... – огрызнулся Аркадий, спрыгивая за своим спасителем со стены и озабоченно рассматривая садины по всему телу. – Это же надо было так вляпаться! Что ни день, то невезение.

– До свадьбы заживет, – хихикнул мальчишка, но, заметив брошенный в его сторону грозный взгляд, тут же замолчал.

Аркадий потуже замотал вокруг бедер злосчастное полотенце и принялся оглядываться, пытаясь понять, куда его занесло.

– Мы на Серпуховской, – словно прочитал его мысли мальчишка и кивнул куда-то в сторону.

– Потрясающе...

Аркадий с ужасом представил, как он будет добираться домой в нынешнем, мягко скажем, непрезентабельном, виде. Первый же попавшийся навстречу полицейский заберет его в отделение за милую душу! Ни документов, ни ключей от квартиры.... Да к тому же алмаз невероятных размеров в руках! Что должен подумать среднестатистический страж порядка, обнаружив перед собой подобное «явление»? Аркадий напряг фантазию, но ее явно не хватало на то, чтобы проследить извилистый путь мысли среднестатистического полицейского.

– Так и будем здесь памятниками торчать? – мальчишка недовольно повел носом и покопился на тетку с авоськой, которая с явным интересом разглядывала Аркадия в полотенце. – Смотри, а то поклонницы на клочки раздерут. Вон, одна уже в боевую готовность приходит. – Он кивнул головой на тетку, которая в это время кокетливо поправляла цветастое платье на груди.

Одного взгляда на пышный женский бюст, оказалось достаточным, чтобы Аркадий рванул с места. Память о ночи с Амалией Боб все еще была свежа в его памяти.

Шоу начинается

– Господи!.. – лицо Раисы Сигизмундовны выражало степень крайнего ужаса. Увидев на пороге дома свое обожаемое чадо босиком и в полотенце в яркий горох по всему полю, она чутким материнским инстинктом почуяла недоброе. – Где ты был?

Аркадий молча протолкнул вперед худенького мальчугана.

– Вот, накорми его. Он со вчерашнего дня ничего не ел.

– Беспризорник что ли?! – Раиса Сигизмундовна с подозрением воззрилась на мальчика. Мальчишка моментально насупился.

– Я из детдома сбежал. Это разные вещи.

– Как же, разные... – вяло протянула Раиса Сигизмундовна. – Одни и те же вещи. Мамы, папы нет, дома нет, значит, беспризорный.

– Хватит к нему цепляться, – оборвал ее рассуждения Аркадий и потащил мальчишку в кухню. – Садись за стол, я сейчас в душ, после выйду, будем обедать.

С этими словами Аркадий ушел в свою комнату, оставляя мать за любимым занятием – терзаться подозрениями.

Приняв горячий душ и надев чистую футболку с шортами, Аркадий вошел на кухню в тот самый момент, когда Раиса Сигизмундовна и мальчишка спорили с пеной у рта, как правильно варить уху.

– ...А я тебе говорю, что в уху добавляют водку. Когда уже с костра снимают. Чтобы позабористее была! – орал пацан, напрягая голосовые связки.

– Кто тебя учил дерзить старшим?! – надрывалась в ответ Раиса Сигизмундовна. – Уж мне побольше лет, чем твоему сопливному носу, и я точно знаю, что уху варят...

– Замолчали все!!! – гаркнул Аркадий, устало плюхаясь на табуретку. – Давай, мать, супу налей... И водки плесни. Сейчас не до твоих кулинарных симпозиумов. Где Барсиков?

– Где, где... Наверно возле магазина с дружками торчит. Где ж ему еще, пьянчуге, быть?

Аркадий одним махом опрокинул в рот рюмку водки и на секунду зажмурился.

– Как появится... Немедленно ко мне. Дело есть. Кстати, тебя как зовут? – он посмотрел на мальчишку, жадно уплетающего третью котлету подряд.

– Санек, – прочавкало в ответ, и мальчишка вновь погрузился в сладостный процесс поглощения еды.

– Так... – Аркадий кивнул на гостя. – Значит, жить он будет пока у нас. И никаких возражений!

Раиса Сигизмундовна неприязненно оглядела Саньку. В ее обывательском представлении, дети с улицы являлись каким-то чужеродным существом и обязательно с криминальным душком. Поэтому, она приняла для себя решение, сразу после обеда подальше спрятать свои два золотых кольца. А то мало ли что?

Наевшись, мальчишка побрел на старый продавленный диван Барсикова и тут же уснул, по-детски поджав под себя коленки. Он уже не слышал, как Раиса Сигизмундовна выговаривали визгливым голосом сыну все, что она думала по его поводу, как из магазина притащился Барсиков и недоуменно пялился на его спящее лицо, как Аркадий вкратце рассказал Барсикову все свои злоключения и даже показал алмаз. Санька спал и видел себя на берегу бескрайнего моря, которое гулко шумело, накатывая волнами на желтый песок. А он счастливый и загоревший, стоял на самом берегу, и над головой сияло огромное желтое, сверкающее, как гигантский алмаз, солнце.

– Где этот идиот? – Карапуз бесновался, круша все, что попадалось ему под руку. – Я вас спрашиваю, кретины! Я что, не по-русски объясняюсь?

Охранники стояли, тяжело переводя дыхание, стараясь как можно дольше не смотреть в узенькие глаза босса. Они итак устали. Шутка ли – бегать в жару при полном параде! Пот лил с их красных лиц и коротко бритых затылков в складку. В ответ, они только нервно сжимали и разжимали огромные кулаки-кувалды, чтобы хоть как-то успокоить нервное напряжение.

– Так... – продолжал наступать на них разъяренный Карапуз. – С вами я еще поговорю... Вы у меня научитесь ораторскому искусству, неандертальцы чертовы! Сейчас берите девку, подчистите тут все и в машину! Посмотрим, как забегает этот охламон, когда ему подружку по частям будут присылать!

– А вдруг она ему, как это сказать... никто? – набравшись смелости, предположил один из охранников.

– Что я слышу? – Карапуз ехидно поджал толстые губы. – Кто-то пытается самостоятельно мыслить? – он всплеснул короткими ручками. – Просто эволюция в действии! Знаешь, философ, а мне как-то фиолетово – кем она этому воришке приходится. Мое дело – найти гаденьша и забрать свой камень. А как я это сделаю – не вашего ума дело, усекли, Аристотели фиговые? Это же элементарно! Человеческое сострадание – мощное оружие. Неужели вы думаете, что можно спокойно следить за тем, как у красивой женщины, пусть даже мало-знакомой, по твоей вине возникают ТАКИЕ проблемы? – тут он схватил обеими руками себя за горло и сделал вид, что его душат.

Охранники молча переглянулись. Им это явно не нравилось, но за годы службы они привыкли не обсуждать решений босса. Они подхватили лежащую без сознания девушку и вынесли ее из квартиры.

– Вот так-то лучше... – потер ладошки Карапуз. – Мне еще мыслящих охранников не доставало. – Он на носочках вышел следом на лестничную площадку, осторожно огляделся и аккуратно, стараясь не шуметь, закрыл за собой входную дверь.

На следующий день, Аркадий проснулся с головной болью. Затылок налился свинцом и упорно тянул назад, на подушку. Зачем он вчера столько выпил? Барсиков все время подливал ему и подливал... О чем он говорил? Похоже, о каком-то скупщике драгоценностей... Ну, конечно! Аркадий резко сел на кровати и медленно обвел глазами комнату. В окна светило солнце. Подтянув поближе к глазам электронный будильник, Аркадий несколько секунд следил за мигающим двоеточием между цифрами. Десять часов... Десять ноль одна... Затылок занял сильнее, заставляя срочно принять горизонтальное положение. В мозгу вместе с болью стучала тревожная мысль: где бриллиант? Аркадий принялся шарить под подушкой. Где же он его вчера оставил? Перед глазами возникла хитрая физиономия Барсикова. Неужели все-таки спер, подлец?!

Аркадий издал мучительный стон, но тут его пальцы нащупали искомое. Издав новый стон, но на этот раз облегчения, Аркадий вновь рухнул на подушку, крепко зажав в кулаке, завернутый в носовой платок, камень.

– Доброе утро! – пропел над ухом голос Раисы Сигизмундовны. Вслед за голосом в поле зрения показалась она сама в вечном фартуке и бигудях. – Как спалось моему красавцу?

– Ты что, издеваешься? – проворчал Аркадий, закрывая глаза ладонью. – То же... Нашла красавца. Дай лучше какую-нибудь таблетку от головы, а то просто сдохнуть хочется, так болит...

– Видать, мозги давят, – язвительно заметил Барсиков, входя вслед за Раисой Сигизмундовной и присаживаясь на край кровати. – Может, по пивку? Средство – верняк!

Аркадий страдальчески закатил глаза.

– Мама, прошу, уведи этого типа из моей комнаты, иначе я за себя не ручаюсь...

– Василий Степанович, имейте совесть... – начала было та, но Барсиков жестом пресек ее попытку воздействовать на него острым словом.

– Нельзя иметь то, чего нету, Риска. Но раз меня не желают здесь видеть, я пойду туда, где мне будут рады. Например, к вчерашнему Карапузу.... Я думаю, что он-то в знак благодарности не то, чтобы нальет, а еще и закусить даст.

Услышав подобное заявление, Аркадий подлетел на кровати и схватил соседа за потерянный воротник рубашки.

– Шантажировать меня решил? Ну, Барсиков.....

В нос ударил запах стойкого перегара.

– Сначала штаны натяни, мачо! Уж потом угрожай.

С этими словами Барсиков пихнул Аркадия назад на подушки и гордо прошлепал на выход.

– А ну стой! – Аркадий в два прыжка настиг наглеца и прижал его к стенке. – С каких это пор ты стал таким дерзким, а?! Что это у нас сегодня – день соседского неповиновения? Или тебе вчера в голову сивуха ударила, и ты решил меня сдать этому пузану с кошельком вместо головы? Учти, Барсиков, что стоит тебе только объявиться перед его свинячьими глазками, как от тебя одно воспоминание останется. И то ненадолго. Этому бандюгану бриллиант нужен. И, заметь, без нагрузки в лице запойного алкаша.

У Василия Степановича нервно задергался левый глаз.

– Я бы попросил.... Ты это, того..... Поаккуратнее с выражениями. На черта мне сдался твой булыжник? Сам вляпался, сам и выкручивайся. А если я что взболтнул, так, разве я мало болтаю?

И Барсиков соорудил физиономию, глядя на которую, незнающему человеку оставалось констатировать, что хозяин ее, мягко говоря, давно не дружит с мозгами. Блаженный, одним словом. Но Аркадия, к счастью, нельзя было причислить к незнающим гражданам по части жуликоватого нутра Барсикова, поэтому на него соседские гримасы не произвели нужного эффекта. Аркадий знал, что Василий Степанович тот еще жук, и пьяным или трезвым, своего не упустит. Сейчас этим «своим», Барсиков посчитал бриллиант.

– Значит так, драгоценный мой.... – Аркадий расцепил пальцы, и сосед кулем подпер дверной косяк. – Только попробуй украсть у меня этот камешек или рассказать о нем кому-нибудь, даже вороне на помойке, куда ты бегаешь за пустыми бутылками! Я тебя собственноручно сотру в порошок, ясно?

Барсиков мотнул лысой башкой.

– Это не мой камень и тем более не твой, – Аркадий продолжал увещевать непокорного соседа. – Он принадлежит одной девушке. И я намереваюсь ей возратить драгоценность, потому что теперь, судя по всему, у нее крупные неприятности.

– Напомни мне, с каких пор ты стал честным гражданином? – Василий Степанович презрительно смотрел на Аркадия, налитыми от злости, глазами. – Тебе, можно сказать, в руки сокровище приплыло, за которое ты в лучшие времена трудился бы в поте лица у десятка толстух в должности придворного кобелька! А теперь ты нос крутишь, честного из себя строишь!

– Не твое дело!

– Ах, вот ты как заговорил?!

– Не надо нарываться!

– Хорошо же.... – Барсиков громко сглотнул и взметнул вверх кривой палец с грязным ободком под ногтем. – Смотри, как бы самому не нарваться! – С этими словами, он рванул в коридор и разъяренно хлопнул дверью.

– Алкоголик конченный! – проорал ему вдогонку Аркадий и плюхнулся назад на кровать.

Ему стало ясно, что Барсиков в качестве верного оруженосца, потерян навсегда. Отныне он, Аркадий, один в целом свете перед лицом опасности в лице разъяренного Карапуза. И черт его знает, чем это может для него закончиться. Аркадий в сотый раз повертел в руках злосчастный бриллиант и в сердцах плюнул прямо на его наглую сверкающую поверхность. Вот до чего

доводит подобная бесстыдная красота! До полного сумасшествия у здоровых на первый взгляд людей.

Аркадий пощупал лоб. Температуры как назло не было, а значит, не было причины поваляться дома. Почистив зубы и зачесав назад черные, как смоль, волосы, Аркадий решительно прошел на кухню. Раиса Сигизмундовна как раз ставила на стол гору дымящихся блинчиков с хрустящей корочкой. За столом уже умытый и причесанный восседал его вчерашний спаситель.

– С добрым утром, страна! – отрапортовал он, засовывая в рот блин целиком. – Как спалось марафонцам после вчерашнего забега?

Аркадий тоскливо обвел взглядом старую кухню, бесконечно суетящуюся мать, застиранные занавески на окне, и устало приземлился на табуретку. Ему больше всего на свете не хотелось вспоминать, как он вчера опозорился на все Садовое Кольцо, когда он в своем дурацком полотенце пытался втиснуться на заднее сидение свежепойманного «частника», а тот настойчиво пытался удрать без него. В итоге с мольбой и матом в равных долях, Аркадию все же удалось уговорить пугливого водилу довезти его до дома.

– Доброе.... Выспался?

– Если не брать в расчет вашего соседа, который храпел как простуженный трактор, то можно сказать, что ночь прошла в спокойной, мирной обстановке.

– Хватит говорить уже об этом пьянчуге, – Раиса Сигизмундовна поставила на стол вазочку с абрикосовым вареньем. – Аркаша, ты почистил зубы?

– Почистил.

– А ушки протер? – заржал пацан, загребая ложкой варенье и заливая им очередной блин.

Аркадий не счел нужным отвечать на его выпад и с аппетитом набросился на еду.

Его сегодня ждал тяжелый день. Надо было выяснить, все ли в порядке с девушкой, обладательницей бриллианта. Аркадий хорошо помнил и дом и даже квартиру незнакомки. Поэтому сразу после завтрака, прихватив для компании своего нового знакомого, Аркадий поспешил к девушке.

Когда сроки поджимают

Барсиков в это утро тоже знал, что день будет тяжелый. Но не в смысле поиска денег на выпивку или подходящих бутылок на близлежащей помойке. В голове Степана Васильевича возник дерзкий план. Подобный по смелости план возникал у него лишь однажды, когда его выперли с завода за мелкое воровство. Тогда Барсиков придумал отомстить начальству и, позвонив в полицию, искаженным голосом проинформировал, что в кабинете директора завода хранится огромная сумма денег, присвоенная самолично директором и главным инженером. Полиция, конечно, примчалась. И, что характерно, гораздо быстрее, чем, если бы на улице взывали о помощи. Секретарша в приемной еще не успела в чашку кофе плеснуть, как перед ней стоял взвод запыхавшихся мужиков в пыльной форме. Но, полицейская расторопность оказалась местному коту под хвост. В кабинете директора кроме почетных грамот, потерявших типографский цвет от срока давности и самого директора с пятисотенной купюрой в кошельке, ничего не обнаружили. Зато, обозленная полиция весьма скоро обнаружила Барсикова, и, обвинив его в информационном терроризме, закатала на срок. Выйдя на свободу, Василий Степанович надолго отказался от сомнительных авантур, и вот теперь, наконец, настал судьбоносный момент оторвать «топор войны», как любили говаривать свободолюбивые индейцы Америки. Барсиков явно не тянул на роль свободолюбивого индейца, у него не было даже приличного костюма. Поэтому, перекусив на скорую руку прямо у себя в комнатенке, Барсиков отправился к соседу по лестничной клетке одолжить пиджак в оранжевую клетку. Пиджак видал лучшие времена и, очевидно, вися новеньким в магазине, рассчитывал на более презентабельных владельцев, но ему, увы, не повезло. Сегодня ему предстояла нелегкая роль – представить Василия Степановича по возможности в приличном виде. А так как этот самый приличный вид уже давно не снился ни пиджаку, ни Барсикову даже в страшном сне, то, как говорится, – и на том спасибо.

Напаялив на себя это чудо текстильной промышленности, Барсиков почувствовал, что теперь-то ему точно должно чертовски повезти. С этой теплой мыслью в опохмеленном мозгу, он, бодро посеменял на поиски Карапуза. Из рассказа Аркадия, он знал, где проживает девушка. Через час он был на месте. Галантно пропустив вперед себя древнюю, как Москва, старушку, он вошел в подъезд, осветил пространство улыбкой в пятнадцать прокуренных зубов и уверенно вызвал лифт. Поднявшись на шестой этаж ухоженного многоквартирного дома, Барсиков причмокнул от удивления. Из его впалой груди вырвался вздох негодования:

– Вот ведь живут... Буржуи...

По понятиям Василия Степановича, все, что было чище и опрятнее его берлоги автоматически зачислялось в буржуйское наследие, по которому кровавыми слезами когда-то рыдал пролетариат. Барсиков тоже тихо рыдал. Потому что желание нахалюва обладать тем, что другие зарабатывали с утра до вечера, впиталась в него с генами матери. А против генетики, как известно, науке, не попрешь. Остановившись перед красивой дверью цвета палисандра с сияющей золотом ручкой, Василия Степановича на секунду заколебался. В нем проснулось сомнение: а не послать ли все к черту? Что он скажет девушке, когда она откроет дверь? Где маленький злобный Карапуз, который гоняется за камнем по всему городу в сопровождении трех горилл? Или нажать на жалость и выдумать историю о том, что его племянник чудом уцелел в схватке с этими бандитами и теперь на сметном одре просит ее назвать имя преступника? Рука сама потянулась к звонку, и, зажмурившись, Барсиков нажал на кнопку. Где-то в глубине приятно затренькало. Василий Степанович приложил ухо к двери, но его обостренный нервами слух ничего не улавливал. В квартире стояла мертвая тишина.

– Где ее леший носит! – Барсиков решил не сдаваться и продолжил давить на кнопку. Вновь одинокое треньканье огласило квартиру изнутри, и вновь безрезультатно. Барсиков

нерешительно посмотрел на ближайшую к нему дверь. Спросить у соседей, где может быть с утра пораньше эта красавица? Но мысль отпала сама собой. Барсиков трезво, как никогда рассудил, что, увидев его, соседи вряд ли кинутся откровенничать о жизни девушки. Василия Степанович уже было собирался уйти восвояси, как вдруг, увидел краешек белой бумаги, аккуратно воткнутой в дверную щель. Конечно, приличные люди обычно не имеют привычку читать чужие записки, но Барсиков сразу для себя решил: он неприличный человек. Уже хотя бы потому, что стоит возле незнакомой двери в дурацком пиджаке в надежде узнать адрес того, кто прибьет его соседа по коммуналке. Разве этого недостаточно, чтобы с полной ответственностью назвать себя неприличным человеком?

Облизывая сухие губы от нетерпения, Барсиков развернул записку. По мере прочтения, его физиономия, круглая по форме, вытянулась настолько, что небритый подбородок чуть было, не стукнулся о ключицы.

– Так, так, так... – пробормотал Василий Степанович, возвращая подбородок в исходное положение. – Даже телефончик оставил для связи... Вот что значит – деловой человек! Все предусмотрел.

Барсиков бережно свернул записку и сунул ее во внутренний карман пиджака. Теперь он знал, что ему надо делать. Барсиков уже было, собирался уйти и даже вызвал для этой благородной цели лифт, но тут нестати, соседняя дверь с тихим скрипом отворилась и на пороге показалась лысая мужская голова с заспанными глазами, которые так близко сидели к носу, что казалось, их просто второпях прикрепили к нему степлером.

– Чего с утра шумишь? – поинтересовалась голова, широко распахивая рот в сладком утреннем зевке. – Раз девушка не открывает, значит, ее нет дома или еще чего проще, ты не принц ее мечты. – Голова пристально оглядела непрезентабельность Барсикова. – Второе – верняк. Ты, мил человек, по какому вопросу к нашей Светочке пожаловал?

Барсиков с трудом приходил в себя после столь неожиданного монолога совершенно незнакомого человека, поэтому не сразу ответил на поставленный вопрос.

– Да тут, знаете ли... Заявка поступила о протечке... – наконец сориентировался Василий Степанович, используя почти родную для вранья тему. – Вот, меня послали узнать...

– Да? – подозрительно протянула голова. – Интересно, с каких таких пор сантехники у нас в подобном прикиде на протечки ходят? Или у вас на работу как на праздник?

Барсиков психанул. Ну что, в самом деле, этому лысому от него понадобилось? В стране, между прочим, свобода передвижения. А значит, если он, Барсиков, хочет, к примеру, с утра пораньше передвинуться в направлении квартиры некой особы в канареечном пиджаке и грязно-голубом шарфике поверх кадыка, то он не обязан докладывать об этом всяким любопытным, а уж тем более не обязан высушивать от них всяческие каверзные вопросы.

– Не твое дело, – огрызнулся Барсиков и попятился к лифту. – Что, я тебе тут? Клуб «Что? Где? Когда?». Иди своей жене устрой викторину вместо того, чтобы по утрам к незнакомым мужикам приставать! – С этой гневной отповедью, Барсиков нырнул в кабину лифта, оставив лысую голову в изумлении переваривать свою пламенную речь.

Уже на улице, Василий Степанович мысленно похвалил себя за находчивость и еще несколько минут с удовольствием вспоминал, как лысая голова растеряно хлопала ртом, тщетно пытаясь найти в заглываемом воздухе нужные слова для достойного ответа. У метро он чуть нос к носу не столкнулся с Аркадием, который как раз в это время выходил оттуда в компании вчерашнего беспризорника. Вовремя нырнув за близстоящий ларек, Барсиков наблюдал, как его противник нерешительно оглядывает местность, силясь вспомнить, откуда он вчера с такой скоростью улелетывал. Покрутившись на месте минуту-другую, Аркадий, наконец, взял верный след и торопливо почесал к дому, откуда совсем недавно победно чеканя шаг, вышел Барсиков. Степан Васильевич, понимая, что противоборствующая сторона начинает, образно говоря, наступать ему на пятки, потрусил к метро. Сроки неожиданно стали

сильно поджимать. Даже сильнее, чем он рассчитывал. Поэтому, Барсиков решил нанести визит Карапузу немедленно. По его подсчетам, через каких-то два часа тряски под землей, он будет гораздо ближе к своей новой обеспеченной жизни, чем все пятьдесят два года до этого.

В то время, как Барсиков придавался обычной дреме, сидя в полупустом вагоне метро, Аркадий вовсю терзал дверной звонок своей недавней знакомой. Санек с равнодушным видом присел рядом, прислонившись спиной к стене, и занялся щелканьем семечек, которыми он засыпал свои карманы перед выходом.

– Ну, что? Глухо? – спросил он для того, чтобы хоть как-то поддержать нервничающего Аркадия. – Может, она в магазин ушла или куда там эти красотки ходят? В салон какой.... Их же хлебом не корми, дай только морду чем-нибудь намазать.

– Не морду, а лицо! – прикрикнул на него Аркадий, продолжая жать кнопку звонка. – Кто тебя учил так выражаться?

– Ой, да ладно! – Санек махнул на него рукой. – Была бы морда, а лицо из нее сделать – раз плюнуть! У моего знакомого мать косметологом работала. Знаешь, какие к ней кикиморы приходили? А на выходе – гляньте-ка! – как под копирку – матрешки расписные!

– Слышь? Сейчас не до твоих наблюдений! Вот где она может быть?! – Аркадий в отчаянии мерил широкими шагами узкое пространство перед дверью. – Вдруг ее того.... Прибили? И она сейчас мертвая в квартире лежит....

– Кто мертвая лежит?! Светка что ль?! – в проем соседней двери просунулась испуганная лысая голова. – Откуда у вас такие сведения? Вы из полиции?

Санек закатил глаза к потолку: «опять нарвались». Аркадий подошел вплотную к лысой голове и поманил пальцем. Голова с любопытством подалась вперед.

– Уважаемый, – начал Аркадий, для пущей убедительности образа оглядываясь по сторонам, точно пришел на встречу с агентом в глубоком тылу. – Вы, как я вижу, именно тот человек, который нам нужен...

Лысая голова взволнованно закивала и тут же покрылась липким потом от переизбытка чувств.

– Мы с коллегой представляем подразделение «Зета» группы «Бета» подразделения «Альфа». Понимаете, о чем я?..

Окончательно обалдевший за это утро обладатель лысины понятия не имел о той абракадабре, которую нес Аркадий. Но, извечное желание невежды блеснуть знаниями, не дало ему усомниться в том, что говоривший на самом деле может быть кем-нибудь из силовых структур. Поэтому, моментально преисполнившись трепетом перед молодым человеком, лысая голова заискивающе улыбнулась.

– Конечно.... Я все понимаю. Как не понять? Что я, в самом деле..... Очень уважаю ваш нелегкий труд, так сказать.... Ваша служба и опасна и трудна, и на первый взгляд как – будто не видна.... – Он еще хотел проинформировать «представителя органов», что «кто-то кое – где у нас порой...», но Аркадий приложил палец к губам.

– Пусть она будет не видна и дальше. Никто не должен знать, что мы с вами разговаривали, иначе.... – Тут Аркадий соорудил такую гримасу, что у лысого мелко завибрировал подбородок, и подкосились голые ноги в потрепанных шлепанцах.

– Я все понял, – проблеял он, облизывая сухие губы. – Все скажу, как было. Записывайте! Мне, как честному гражданину, скрывать нечего!

Аркадий молча кивнул, приглашая соседа к откровению.

– Значит так....

Сосед торопливо выложил Аркадию свои ценные соображения насчет странного прихода Карапуза с телохранителями, и свои неодобрения знакомствами соседки, которую два верзила выволакивали под руки, видимо, пьяную. И о чем только эти молодые женщины думают в наше время, когда знакомятся с кем ни попадя! Причем последнему обстоятельству он уделил осо-

бое внимание, точно являлся не соседом, а заботливым троюродным дядюшкой. Затем словоохотливый гражданин решительным образом осудил плохое воспитание работников коммунальных услуг в лице противного мужчины в канареечном пиджаке, и уже было хотел перейти к жалобам на несовершенство всей коммунальной системы в целом, но Аркадий успел вовремя его затормозить.

– Будьте добры, драгоценный вы наш, с момента появления сантехника, поподробнее....

– Ну... – сосед зажмурился, концентрируя память на интересующем объекте. – По моему мнению, он вел себя достаточно странно для сантехника, понимаете?

– Нет, – честно признался Аркадий. – Поясните.

– Обычно наши сантехники приходят на вызов в спецодежде, то есть, в старых заляпанных штанах, потрескавшихся башмаках и куртке, в которой не жалко залечь под ванной. А этот фронт вырядился, точно на свидание. И без инструментов. Я сразу подумал, чем он собирается протечку устранять? Заткнет своим пиджаком?

– Какое ценное наблюдение! – Аркадий поощрительно похлопал соседа по плечу. – Продолжайте.

– Ну, я, конечно, заинтересовался у этого субъекта, что случилось... На что он в грубой форме посоветовал мне поиграть с женой в викторину. С моей женой, знаете, и доиграться недолго. Она у меня жутко ревнивая.

Аркадий окинул взглядом рыхлую фигуру, кутающуюся в короткий махровый халат.

– Кто бы мог подумать...

Лысый трогательно наклонил голову. Аркадий задумчиво почесал подбородок.

И то и другое принесло мало пользы для существа расследования.

Но кое-что все-таки удалось выяснить. Во-первых, девушку увезли. Во-вторых, сюда приходил Барсиков. Но вот что этот шпион здесь разнюхивал? Аркадий сделал последнюю попытку надавить на бдительного соседа.

– Скажите, любезнейший.... А больше ничего особенного не заметили? Ну, скажем, в поведении псевдо сантехника? Ведь, смотрели же в глазок, признайтесь!

– Смотрел. – Сосед с виноватым видом заморгал глазками. – Я всегда смотрю в глазок, когда слышу, что звонят в соседнюю дверь. Мало ли что? Только этот ваш подозреваемый, ничего противозаконного не делал. Вытащил из дверной щели какой-то листочек, почитал его и в карман положил. Я еще подумал, чего это он чужие листочки из дверей тырит?

Аркадий напрягся. Вот оно!

– Листочек, говорите?

– Да, да... Маленький такой, беленький....

Аркадий впервые за утро улыбнулся. Но на этот раз его улыбка не предвещала ничего хорошего. И в первую очередь Василию Степановичу с его коварными планами. Надо же, какой тихушник! И это после всего, что они пережили вместе.... Так предать! И главное – за что? За камешек, который им всем только боком выйдет. Тут Аркадий вспомнил, что еще стоит на чужой лестничной клетке и перед ним маячит любопытная физиономия. Для приличия требовалось сказать подобающую речь.

– Благодарю вас, уважаемый за помощь органам, – Аркадий с важным видом принял тряску руку своему случайному осведомителю. – Я передам, куда следует о вашей неоценимой находчивости и беспримерной смелости в плане выявления лиц, которые так сказать, неблагоприятно влияют на общий климат в нашем обществе....

Аркадий почувствовал, что на него накатила очередная волна сладкого словоблудия. Продолжая изредка потряхивать взмокшую ладонь собеседника, он пустился в пространные объяснения, призванные оставить неизгладимый отпечаток на сером веществе запуганного различными «органами» обывателя.

– ... и, конечно мы вас наградим за бдительность, уважаемый вы наш! Кто как не вы, являясь полноправным гражданином и просто честным человеком, знает, как важно вовремя посмотреть в дверной глазок! Смотрите, дорогой вы наш человек! Как говорили древние: «кредендо видес»!

Тут Санек, давившийся углу от хохота окончательно поперхнулся. По его мнению, если человека потянуло на латынь, то это уже серьезный повод сворачивать беседу и капать успокоительное.

– Кого, простите... видес? – Лысая голова испуганно вытаращила глаза. – Я все, что видел, уже сказал... Я больше ничего такого...

Аркадий понял, что опыт с латынью не нашел отклика в душе обладателя махрового халата и миролюбиво улыбнулся.

– Ну что вы, милейший! Мы все понимаем. Вот так впредь всем и говорите, что, мол, ничего такого не видели. Ни меня, ни моего коллегу... Вообще никого. И главное, о том, что здесь произошло, – Аркадий медленно обвел рукой узкое пространство коридора, притормозив немного перед длинным носом собеседника, – вы никому не скажите. Даже своей ревнивой супруге. Надеюсь, вам понятна моя скромная просьба?

Лысая голова молча кивнула.

– Вот и ладошки. А теперь нам надо идти. Коллега!

Санек неторопливо подошел к Аркадию и резко нажал на кнопку вызова лифта.

– У нас четкое разделение полномочий, – пояснил Аркадий, вперив немигающий взгляд поверх лысой головы. – На этом строится дисциплина.

Подъехал лифт, и Санька торжественно проследовал в раскрывшиеся двери. Затем застыл по стойке «смирно» и, нажав кнопку первого этажа, отчалил.

– Вот так, уважаемый... – Аркадий устало улыбнулся. – Вот так...

Затем он, не прощаясь, стал медленно спускаться вниз, чувствуя, как ему вслед с благоговейным страхом смотрят два близко посаженных глаза. Еще одна сцена была сыграна.

Явление Барсикова

Карапуз сидел на огромном диване, настолько сливаясь с пухлыми подушками, что девушка не сразу обнаружила, что она не одна в этой огромной комнате, с безвкусно расписанными потолками и сплошь уставленной белой мебелью с золотыми вензелями.

– Ну, что, дорогуша? Вспомнила, наконец, кто украл у меня бриллиант? Или будем играть в «угадайку»? Сразу скажу, мое терпение заканчивается на втором вопросе.

Карапуз закинул в рот пригоршню орешков и зачавкал, жмурясь от удовольствия.

Девушка состроила презрительную мину и отвернулась к стене. Прямо перед ее носом висела картина в тяжелом золотом багете, изображающая полуодетую толстуху возле зеркала. Дама была настолько пышна формами, что даже художник не смог втиснуть ее в зеркальное отражение, поэтому на картине она отражалась не полностью, оставляя зрителя в догадках, куда делась остальная часть драгоценного тела.

– Нравится? – Карапуз вытер руки о белоснежную салфетку и гордо ткнул коротким пальцем в сторону картины. – Это моя супруга! Она сейчас в Майами кости греет.

Девушка подумала, что для того, чтобы прогреть эти «кости», понадобится газовая конфорка, а не солнце в Майами, но вслух она, конечно, этого говорить не стала.

– Я очень рада за вашу супругу и за Майами в целом, но может, вы все-таки отпустите меня домой? Ничего нового я вам не скажу, поскольку действительно не имею представления, почему мой бывший ухажер оставил у меня этот камень. Я до вашего прихода даже не догадывалась о его существовании!

Карапуз с трудом выбрался из подушек и спустил ноги на пол. Светлые штаны слегка задралась вверх, обнажая опухшие щиколотки в бежевых носках.

– Да я тебе верю, лапонька! – противный Карапуз с умильным видом захлопал глазками. – Ты мне другое объясни: откуда взялся тот придурак в полотенце? Он-то тебе кто?

– Да никто! – девушка готова была разрыдаться от досады. – Я его на улице подобрала, когда он мне под колеса бросился! Потом домой к себе привезла, думала, кофе ему сделаю с бутербродами и выгоню вон! А тут вы нарисовались.... Я даже имени его не знаю, между прочим!

Карапуз слез с дивана и принялся ходить кругами по комнате.

– Как же так? – он на секунду затормозил перед девушкой. – Ты просто так приводишь к себе в дом незнакомого мужчину.... О чем ты только думала? Вдруг бы он оказался насильником?

– Ой, кто бы говорил! – девушка смерила Карапуза взглядом. – Тоже мне... Джентльмены хреновы!

– Ну-ну.... Полегче с выражениями! – прикрикнул на нее Карапуз. – Давай еще раз и по порядку. Для начала, как тебя зовут?

– Света.

– Прекрасно. Идем дальше....

Карапуз просеменил еще кружок и остановился возле окна. Взяв с маленького стеклянного столика портсигар, он жестом предложил гостье закурить.

– Спасибо, не курю.

– Умница! А я, пожалуй, не откажусь, – Карапуз с удовольствием раскурил сигарету. – Ты знаешь, как долго я бегал за этим камнем? Десять лет! И когда он уже был у меня в руках... – он закрыл глаза, с трудом переживая память о нелепом поражении, – появляется твой Тарзан и нагло ворует мою мечту!

Дойдя по этому момента повествования, Карапуз перешел на взволнованное повизгивание.

– Как, по-твоему, я должен себя чувствовать? Да я готов был в ярости порвать его на мелкие кусочки!

– Для этого надо было его сначала поймать, – резонно заметила Света.

– Ай, какая умная девушка! – Карапуз выпустил в ее сторону колечко дыма. – Правильно говоришь: поймать! А знаешь ли ты, о, мудрейшая из всех блондинок, что для того, чтобы поймать кого-то, совсем необязательно за ним бегать? Достаточно сделать так, чтобы он сам прибежал. И причем очень-очень быстро! Соображаешь о чем я?

– Можно яснее?

– Конечно, можно, моя сладкая!

Карапуз выпустил еще одно колечко дыма и приблизил свое мясистое лицо к девушке настолько близко, что можно было рассмотреть сеть красных прожилок на его носу. Заплывшие глазки внимательно исследовали гостью. В этот момент Светлана ощутила, как велико ее желание выяснить, насколько далеко она умеет плевать.

– Я сделаю так, что он прибежит сюда, как миленький. Сам. С камнем. И станет умолять меня взять бриллиант назад. А ты мне в этом поможешь.

– Интересно как?

– Я оставил записку в твоей двери на случай, если он объявится. И он объявится, поверь мне! Когда он прочтет мой красноречивый призыв к его совести, он прибежит сюда быстрее ветра. Да что там ветер! Он прилетит сюда быстрее водителя маршрутки в час пик по встречной полосе! Этой «шайтан арбе» современного мегаполиса!

Он хотел еще привести пару тройку сочных на его взгляд сравнений, но тут дверь с тихим скрипом отворилась, и в проеме показалась стриженная голова одного из подручных верзил.

– Босс, там к вам пришли... – охранник шмыгнул носом и кивнул на девушку. – Говорит, по известному делу.

Карапуз крутанулся на каблуках и с видом победителя посмотрел на Свету.

– Ну, что я говорил? Не прошло и суток, а наш воришка уже тут как тут! Введи его сейчас же! Посмотрим, что за фрукт у нас в корзинку упал.

Охранник распахнул дверь и втолкнул в комнату испуганного Барсикова.

– Вот он. И записка при нем.

Барсиков инстинктивно попятился.

– Что-то я не совсем понимаю этой метаморфозы... – Карапуз удивленно рассматривал неожиданного визитера, съжившегося подмышкой у охранника. – То ли этот Маугли стремительно постарел, то ли я вчера пьяный на встречу приперся. Я пьяный на встречу приперся, отвечай?!

– Никак нет! Трезвее не видали! – отрапортовал верзила, с любопытством посматривая на Барсикова.

– И я о том же. Выходит, постарел?

– Да это вообще не он! – Света вскочила с кресла. – Этого я не сбивала, точно помню!

– Вот и я говорю, шеф, что-то он, того, не очень... Тот вообще без одежды был, а этот облезлый какой-то...

– Но, но, но! Я бы попросил не выражаться насчет моей фигуры подобным образом! – взвился оскорбленный в лучших чувствах Барсиков. – Между прочим, я сам пришел! Оказать помощь потерпевшей стороне, а не выслушивать всяческие оскорбления от типов с плоскими лбами!

– Это у кого тут плоский лоб?! – набычился охранник. – Да я тебе, моль старая, сейчас такую плоскость на башке сделаю! Лоб на затылке вылезет!

– Заткнулись все!!!

Карапуз стоял посреди комнаты, в ярости сжимая кулачки.

– Слушайте... Я не знаю, что тут происходит, но если в течении пяти минут, мне кто-нибудь не объяснит, что означает весь этот цирк, я за себя не отвечаю!

Верзила толкнул Барсикова на середину комнаты.

– Ну, уважаемый... Как вас там?

– Василий Степанович...

– Прелестно! – Карапуз плюхнулся на диван.

– Присаживайтесь, Василий Степанович, и поведайте нам, зачем пришли. А то мы тут все в недоумении, знаете ли... Такие люди и вдруг в этом скромном жилище! – с этими словами Карапуз обвел рукой пространство, приглашая Барсикова подивиться тому, какой черт занес его в это царство позолоченных вензелей и румяных ангелочков.

Барсиков окинул унылым взглядом буржуйскую роскошь, на минуту задержался взглядом на нагло выпирающих окороках полуголой тетки на картине, мысленно сплюнул на все это бесстыдство и суетливо выпалил:

– Я знаю, у кого ваш бриллиант!

Когда героями не рождаются

Аркадий сидел на кухне и методично курил одну сигарету за другой. Рядом сиротливо остывал недопитый кофе. Санька в соседней комнате смотрел телевизор, лишь изредка подавая признаки жизни одинокими восклицаниями: «ты на себя-то посмотри!», «да кто его сюда звал вообще?» и «вот козел!».

– Выключи это ток-шоу, раз оно тебе так не нравится! – заорал вконец выведенный из себя Аркадий. – Что за манера с телевизором наперегонки разговаривать!

– Вот еще! – завопил из комнаты Санька. – Здесь такие перцы зажигают! Давно таких дураков не видел!

Аркадий обреченно вздохнул и закурил очередную сигарету. За окном начинало темнеть, а Барсиков все не шел и не шел... Плохой признак. Значит, или затаился от страха, или...

В дверь позвонили. Старый звонок надрывно затренькал, призывая хозяев немедленно открыть незванным гостям.

– Ты кого-то ждешь? – Санька мигом прискакал на кухню.

– Да вроде нет... – Аркадий нахмурил лоб и затушил сигарету. – Может, это Барсиков ключи посеял? Или напился так, что не может ключ в замке повернуть. Это у него частенько случается.

Санька на цыпочках подкрался к двери и посмотрел в глазок. За дверью и впрямь стоял Барсиков собственной персоной, покачиваясь из стороны в сторону, при этом глупо улыбаясь.

– Похоже, что у Степаныча был шикарный банкет, – Санька отошел от двери, приглашая Аркадия самому оценить действия противника. – Интересно, кто это его величество так облагодетельствовал? Смотри, его от счастья прямо штормит!

Тут Барсиков, почувствовав, что на него смотрят по ту сторону двери, предпринял попытку разжалобить публику. Он припал лбом к дверному глазку и проблеял:

– Аркашенька, голубчик... Открой дяде Васе... Дяде Васе так плохо... – тут он всхрюкнул и взвыл, что есть силы. – «Снег да снег кругом, путь далек лежит. В той степи глухой замерзал ямщик!»

Санька заржал, держась за живот.

– Во дает! Прямо филармония на выезде!

Аркадий распахнул дверь и впихнул Барсикова в прихожую.

– Ты что это вытворяешь? Какого хрена ты тут разорался? Мало того, что ты, гад такой, оказался предателем, так ты еще имеешь наглость орать под дверью как последний алкаш?

Барсиков недоуменно оглядел Аркадия и возмущенно потряс головой.

– Это классика. Имею право...

Тут он потерял равновесие и сполз на пол.

– Приехали... – Аркадий сунул руки в карманы брюк. – Теперь он о правах заговорил! Что дальше будет? Жалоба в Европейский суд по правам человека? Давай, Санек, его оттащим в комнату, пусть проспится. Завтра будем выяснять, где носило этого борца за чужое добро.

Оказавшись в своей берлоге, Барсиков осторожно открыл правый глаз и медленно обвел им окружающее пространство. Пространство было пустым и темным. Василий Степанович осмелел и открыл левый глаз. Окончательно удостоверившись, что в комнате кроме него и одинокой мухи на окне никого нет, он поднялся с кровати и ехидно улыбнулся.

... Утро началось по-будничному серо, с нервными покрякиваниями под дверями ванной комнаты, чтобы задержавшийся там постоялец, быстрее освобождал столь нужное всем помещению. Так как постояльцев было всего четыре, а не десять, как в прежние счастливые времена

торжества мирового коммунизма, процесс выдворения из ванной происходил не столь агрессивно.

Раиса Сигизмундовна успела положить на тарелку десятый по счету сочный сырник, когда на кухню, зевая и потягиваясь, ввалился Санька.

– Доброе утро, мамаша! – бодрым голосом поприветствовал он, жонглирующую сковородками женщину. – Ого! С утра и такие разносолы... – он попытался схватить с тарелки пышущий жаром сырник, но тут же был пойман с поличным.

– Тоже мне, сынок выискался! А ну! – Раиса Сигизмундовна сердито указала хулигану на табурет. – Садись за стол, как все приличные люди и жди, когда я на стол накрою.

– Сдаюсь, сдаюсь... – Санек смешно задрал вверх руки и покорно занял свое место за столом. – А где ваш отпрыск? Дрыхнет?

– Нет. Пошел к Василию Степановичу выяснять, где тот вчера околачивался. По мне, так какая разница, где этого пьяницу носит? Главное, чтобы он пожар здесь не учудил, а так...

– А вот и мы! – с этими словами, Аркадий втолкнул на порог Барсикова. – Наш уважаемый Василий Степанович зашел пожелать нам всем доброго утра, так ведь? – Аркадий воззрился на Барсикова с выражением всепоглощающей любви к ближнему. – Василий Степанович вчера совершил подвиг.

Раиса Сигизмундовна презрительно хмыкнула и уверенным движением мастера перевернула очередной сырник на сковородке.

– Сейчас он нам все расскажет, правда, Степаныч? – Аркаша настойчиво подтолкнул Барсикова к столу. – Присаживайся...

Санька подвинул Барсикову табуретку.

– Да я это... Не голоден, – промямлил Василий Степанович, пожирая взглядом уложенные стопкой румяные сырники. – Мне идти пора.

Аркадий подмигнул Сашке, и они оба с силой усадили сопротивляющегося Барсикова на табурет.

– Никуда вы, драгоценный наш, не пойдете, пока мы не позавтракаем все вместе, как старые добрые друзья, и вы нам не расскажите, как вчера, не желая тревожить меня лишний раз, вы провели целую разведывательную операцию с целью спасения одной очень милой девушки.

– Брехня!

Барсиков попытался подняться, но Аркадий вновь усадил его на место.

– К чему эта пошлая скромность, Степаныч? Стране нужны герои. – Аркадий пододвинулся вплотную к Барсикову. – Давай, партизан, рассказывай, как на тропу вышел. И записка, кстати, все еще у тебя?

Барсиков нервно дернул шеей.

– Какая записка?

– Маленькая такая, беленькая. Ты ее из дверей той девушки спер.

– Клевета! Не знаю я никаких девушек с дверями и записками!

Раиса Сигизмундовна поставила на стол тарелку, полную сырников и испуганно посмотрела на сына.

– Аркаша, что случилось? Какая еще девушка? И может, ты мне объяснишь, при чем тут Василий Степанович?

– Ни при чем! – заорал Барсиков. – Твой сын, Риска, совсем на своих бабах свихнулся! Подцепил очередную цыпочку, а у той ворованный бриллиант оказался! А хозяин этого камушка, между прочим, очень злится!

– А ты откуда знаешь о том, кто хозяин камешка? – Аркадий зло сощурил глаза. – Значит, ты, подлец, у него уже побывал?! Ну, говори, мерзавец, где девушка! – Он схватил Барсикова за лоснящийся от грязи воротник рубашки и потянул на себя. – Ты понимаешь, что на языке уголовного кодекса, ты проходишь как сообщник похищения человека?

Раиса Сигизмундовна испуганно взвизгнула и схватилась за сердце.

– Господи! Да что же это делается! Василий Степанович... Аркашуля... Ой, мне плохо...

– Мама, уволь меня от своих приступов! – прикрикнул на нее Аркадий. – Санька, в шкафу над мойкой аптечка, плесни ей тридцать капель валокордина!

– Не надо. – Раиса Сигизмундовна встала и, вскинув голову, направилась к двери. – Я не думала, что ты настолько черствый! – с этими она вышла из кухни.

– Так даже лучше, – Аркадий вновь вперил взгляд в мутные глаза бывшего партнера. – За сколько же ты меня продал, нехристь?

Барсиков заерзал на табуретке и посмотрел на часы над столом. Аркадий перехватил его взгляд и напрягся.

– Мы кого-то ждем?

– Нет...

– Чего ты тогда на часы пялишься? У тебя что, встреча в Белом Доме назначена?

Барсиков судорожно сглотнул и молча уставился себе под ноги. В кухне на какое-то время повисла гнетущая тишина. За окном начал накрапывать дождик, такой же скучный, как физиономии сидящих на кухне собеседников. Неизвестно сколько бы продолжалась эта невнятная тишина, если бы в дверь настойчиво не позвонили. Настойчивость заключалась в том, что кто-то не просто пару тройку раз нажал на кнопку, а бессовестно облокотился о нее.

– Ну, кто там так заливаётся?! – Раиса Сигизмундовна поспешила на призыв немедленно открыть дверь.

– Мама, не подходи к двери! – Аркадий вскочил и бросился в коридор.

Но было поздно. Раиса Сигизмундовна уже распахнула дверь, даже не удосужившись спросить свое банальное «кто там?».

Через каких-то пару минут все домочадцы, включая Барсикова, лежали в позе «носом в пол», а над ними грозным конвоем застыли три амбала из охраны Карапуза. Сам Карапуз с интересом осматривал более чем скромные владения Аркадия, поминутно вздыхая и качая головой на манер доброй воспитательницы в детском саду.

– Ай-яй-яй... Теперь ясно, откуда берется людская алчность! – констатировал Карапуз, беря с тарелки сырник. – Сами готовили?

Получив в ответ старательное кивание головы Раисы Сигизмундовны, Карапуз обмакнул творожное лакомство в сметану и с аппетитом зачавкал.

– Вкусненько! Вот моя кухарка совсем не умеет сырники готовить. Они у нее какие-то сухие получаются и не сладкие. Хотя, для моей жены это даже к лучшему... А то она у меня сама скоро будет похожа на один большой сырник. – Тут Карапуз зашелся в хохоте, который дружным гавканьем поддержали его церберы в темных костюмах.

– А ну, цыц! – гаркнул на них Карапуз. – Весь аппетит распугаете! Поднимите этого обормотца, – он ткнул огрызком сырника в сторону Аркадия. – Сейчас выясним, куда он подевал Глаз Анаконды.

– Аркашуля, ты что, органами начал приторговывать? – испуганно заверещала Раиса Сигизмундовна.

– Нет, только чужими бриллиантами, – «успокоил» ее Карапуз. – Ну-с, молодой человек, где мой камешек?

Аркадию, как взрослому человеку, которого с утра до вечера заботливое телевидение пичкает историями о зверствах криминала, было ясно, что все они – мама, Санька и даже болван Барсиков – неудобные свидетели. Девушка, кстати, тоже. В голову вместо спасительных мыслей лезли лишь неутешительные. Аркадий издал мучительный стон.

– Ладно... Сейчас принесу. Только мать с мальчишкой не трогайте.

– Честное благородное слово! – заверил его Карапуз, театрально прижимая руку к груди.

«Ну, да... как же! – думал Аркадий по пути в свою комнату, – стоит мне только отдать ему камень, как его гориллы живенько отправят всех к праотцам».

Он залез на антресоли и выудил на свет, завернутую в платок драгоценность. Надо было что-то срочно предпринять, пока Карапуз в расслабленном состоянии жрет его сырники. Хоть бы кто-нибудь в дверь позвонил!

– Ну, где ты там, Маугли?! – заорал из кухни Карапуз. – Запутался в лианах антресолей? – он вновь довольно захихикал. – А то смотри! Мы тебе быстренько спасательную операцию организуем!

«Чтоб ты подавился!» – Аркадий сжимал в потных ладонях камень, пытаясь из последних сил сосредоточиться. Положение было безвыходное. С пятого этажа не прыгнешь, у двери его пасут... Аркадий тяжело вздохнул и обреченно побрел в сторону коридора. Когда до кухни оставалось всего пару шагов, в дверь квартиры вновь позвонили.

«Вот оно!» – Аркадий рванул к двери.

– Эй, припадочный! – Карапуз привстал с табуретки. – Ты куда это понесся? Я тебе разрешения на резкие движения не давал!

Аркадий замер. Неведомый спаситель с другой стороны входной двери не унимался, продолжая вновь и вновь жать кнопку звонка.

Один из охранников наклонился и посмотрел в дверной глазок.

– Шеф, там какой-то незнакомый субъект трется! Будем брать?

Карапуз наморщил нос и кивнул Аркадию.

– Посмотри, кто это.

Аркадий прильнул к глазку и с изумлением увидел, переминающегося с ноги на ногу Тигрицкого собственной персоной! Каким чудом этого воинствующего эстета занесло в коммунальные труппы именно в этот, с позволения сказать, роковой во всех отношениях момент, выяснять было некогда, да и какое это уже имело значение? Шанс был дан!

– Это очень известный репортер, – с ходу принялся врать Аркадий. – Он давно обещал зайти, сделать репортаж о жизни в коммуналках. Вот, наверно, и пришел. Очень... Очень важная фигура в российской журналистике. Зубр скандальных колонок и нетленных репортажей из мира вышестоящих. – Аркадий красноречиво ткнул пальцем в потолок, туда, где в точно таком же московском гетто прожигала свои дни семья престарелых алкашей-дебоширов.

Карапуз раздражено крикнул. Только журналистов тут не хватало для полного действия! Осталось только полицию подогнать, и все будут в сборе для сенсационного репортажа о грабеже с одновременным его раскрытием.

– Значит так, звезда незасвеченная, – Карапуз погрозил Аркадию пальцем. – Сейчас мои ребята вместе с твоими домочадцами прячутся в соседней комнате, а ты с милым выражением лица открываешь дверь и вежливо, так, чтобы даже меня проняла твоя сила интеллигентной мысли, посылаешь этого журналюгу в долгий творческий путь. Ясно? И чтобы без глупостей! Иначе, я за твоих родичей рваной газетки не дам!

Аркадий, молча кивнул и, дождавшись, пока верзилы, подхватив остальных невольных пленников ситуации, не скрылись из виду, медленно открыл дверь...

... – Ты что, совсем сдурел?! – орал Лев, остервенело крутя руль своего новенького внедорожника. – Чтоб я еще хоть раз к тебе в гости зашел! Сто лет не бывал, и еще двести не появлюсь! Что это еще за орангутанги за нами гнались, можешь объяснить? Я так со школьной сто-метровки не бегал, думал сдохну, пока до машины доковыляю! Вон, гляди, плащ порвали...

Аркадий нервно сглотнул и оглянулся назад, на стремительно удаляющийся от него родной дом, возле которого, изрыгая проклятия, топали ногами охранники Карапуза.

– Долго рассказывать. Есть что попить?

– Может тебе еще икорки на тост намазать за то, что эти троглодиты мне боковое зеркало с корнем выдрали? Кто мне теперь будет его чинить, ты что ли? Или твой бухарик Барсиков?

Аркадий откинулся на удобное кожаное сидение и закрыл глаза. Пусть Лев чихвостит его на все лады. Ему надо подумать. Сейчас он чувствовал себя советским разведчиком, чудом вырвавшегося из-под носа бдительной немецкой разведки. Но у них остались дорогие ему люди...

– Как я мог их там бросить?.. – Аркадия накрыла внезапно проснувшаяся совесть. – Разворачивай машину! Их же всех убьют из-за меня! Да, давай...

Аркадий попытался завладеть рулем, но Лев оттолкнул его, что было силы. Внедорожник завилел задом по дороге, словно неприличная женщина.

– Вы что, с ума посходили? – донеслось из проезжающей мимо машины. – Напились, так сидите дома, идиоты!

– Сам идиот!!! – заорал в открытое окно Лев и выровнял машину. – Видишь, что ты творишь? Мы из-за тебя чуть в аварию не попали!

Лев притормозил у обочины, заглушил двигатель и мрачно посмотрел на друга.

– Давай, валяй, что у тебя стряслось на этот раз. И почему мне пришлось улепетывать из твоего дома, словно я украл чьи-то бриллианты!

– Ты их и украл...

Аркадий простодушно смотрел, как живописно вытягивается чистовыбритый подбородок его лучшего друга.

– Посмотри у себя в правом кармане плаща.

Только сейчас Лев ощутил, что сидит на чем-то жестком. Он приподнялся и вытащил из-под себя правый край плаща с карманом. На сидение вывалился маленький комочек, завернутый в линялую ткань.

– Что это еще такое? – Лев аккуратно развернул ткань. – Мать моя, женщина...

В другое время, Аркадию бы, безусловно, польстила такая реакция друга, но сейчас тщеславию трусливо поджало хвост перед надвигающимися неприятностями.

– Вот из-за этого чертового камня у меня дома наверно маму с Сашкой пытаются, – всхлипнул он, размазывая по лицу скупые мужские слезы. – А Санек, между прочим, даже моря никогда не видел! Я обещал его свозить! Зачем я только связался со всем этим!

И Аркадий сжато, но, не теряя в красках, поведал окончательно обалдевшему другу обо всех своих приключениях, начиная с блондинки за рулем, вероломным предательством Барсикова и заканчивая сегодняшним визитом наглого Карапуза.

– Ну, ты даешь... Надо немедленно в милицию ехать! Если они оперативно потрясут Барсикова, то мы уже сегодня сможем накрыть всю эту шайку-лейку!

– Что ты говоришь! Вдруг у Карапуза в милиции свои люди, как это обычно водится? Он меня тут же за решетку упрячет и не сморкнется! Да и что я им скажу? Уважаемые господа, я тут, понимаете ли, у одной дамочки бриллиант свистнул, чисто случайно! В перерыве между принятием водных процедур и бутербродов с колбасой!

Лев покрутил пальцем у виска и вновь запустил двигатель.

– Значит, так... Поехали к Чистякову! Другого выхода я не вижу.

Дело ведет Чистяков, или Агенты под прикрытием

Чистяков полностью оправдывал свою фамилию. Это был среднего возраста жилистый мужчина, всегда, вне зависимости, шел ли он на работу или выбрасывать мусор, тщательно выбритый, неизменно в выглаженной рубашке, начищенной обуви, с чистыми руками, и как следствие – с чистой совестью. Глядя на него, можно было сказать, переиначив классика: «В человеке все должно быть чисто...» – далее по тексту.

И никого бы не удивляла столь агрессивная чистота в отдельно взятом человеке, если бы не один пункт в его биографии: Чистяков работал страшим следователем по особо важным делам. А это много значило! Кто живет в России, тот в курсе.

Вот к нему-то и притащил Лев своего несчастного друга, потому что, в принципе, тащить его было уже некуда.

Чистяков достиг такого уровня профессионализма, при котором ему уже было неприлично удивляться чему-либо. Выслушав рассказ Аркадия о его злоключениях, он задал один единственный вопрос: «почему не пришли раньше?»

Аркадий потупил глаза в рваный линолеум пола и пустился в долгие объяснения, суть которых сводилась к одному – хотел лично освободить понравившуюся женщину из лап бандитов.

– Ясно, подытожил Чистяков. – В рыцарей не наигрались? А теперь по вашей вине, где прикажите искать этих персонажей? Да еще в придачу с заложниками?

Аркадий тоскливо наблюдал, как Чистяков нервно меряет квадратуру кабинета своими начищенными до блеска ботинками на толстой подошве. Он только сейчас, сидя на краешке казенного стула, куря одну сигарету за другой, осознал, насколько он влип. Мало этого! Он потащил за собой ни в чем не повинных людей!

Аркадий резко затушил недокуренную сигарету и вскочил.

– Сделайте из меня «живца»! Я на все согласен, только бы вызволить оттуда мать и Санька!

Чистяков на минуту прекратил свои кружения по комнате и уставился на него, щуря левый глаз.

– Какой из тебя «живец», я уже понял. Для начала надо выяснить, где сейчас находятся все действующие лица этой постановки. Ключи от квартиры у тебя остались?

Аркадий порылся в карманах и выудил на свет пухлую связку.

– Вот, даже от почтового ящика.

– Думаю, это не пригодится, – заметил Чистяков. – Бандиты не имеют обыкновения забрасывать жертву пространными письмами. Это вам не студентки пединститута. Итак... Вернетесь в квартиру, мои ребята вас подстрахуют. Вполне возможно, что для вас там оставлена информация, записка там какая-нибудь, к примеру... Короче, надо разведать обстановку на месте.

– А если они все еще там? Сидят, меня дожидаются?

– Это вряд ли. Допускаю, что могли оставить для наблюдения парочку верзил и все. Но их предоставьте моим бойцам.

Аркадий хотел сказать, с превеликим удовольствием проиграет тендер под названием «Схвати верзилу», но, посмотрев в чистые серые глаза Чистякова, промолчал. Ему не хотелось нарушать своими неуместными замечаниями чистоту делового момента.

В 22.00 по московскому времени, Аркадий переступил порог отчего дома. В квартире было темно, хоть глаз выколи. Но Аркадий знал, что по одну сторону этой обманчивой темноты

его ждал спецназ, а по другую, вероятно... свернутая шея. Выбор был небольшой, поэтому терять время на излишние размышления не имело смысла. Щелкнул выключатель, и приходящая озарилась тусклым светом маленького плафона под потолком. Никого.

Аркадий еще какое-то время постоял в кругу безразличного свечения и направился на кухню. Шаг за шагом, Аркадий двигался по квартире, зажигая свет везде, где только был выключатель. Он заглянул и к Барсикову, но того не оказалось в комнате. Квартира вымерла. Все лежало на своих местах, или, вернее, там, где обычно валялось в иное, мирное время. Никакой записки, никаких верзил. Аркадий почувствовал, как на него накатывает волна тихого отчаяния. Он вернулся на кухню. На столе все еще стояла тарелка с остатками недоеденных сырников. Вспомнив, что с утра, у него не было во рту ничего, кроме медовой карамельки, которая к счастью, завалилась у него в кармане джинсов, Аркадий взял холодный сырник и медленно положил его в рот. Подчистив до конца тарелку, он уже был готов кинуть ее в раковину, как вдруг, заметил листок бумаги, сиротливо прижатый магнитиком к двери холодильника.

Аркадий дрожащими руками развернул сложенную вчетверо записку. Лаконичность послания не оставляла иллюзий. Карапуз в своем гневе дошел до ручки и в ультимативной форме требовал бриллиант в обмен на жизни Раисы Сигизмундовны, Сашки и, как это ни странно, Барсикова. Последний интересовал Аркадий в последнюю очередь.

– Я нашел, – Аркадий передал листок Чистякову. – Назначают встречу завтра за городом, на заброшенной стройке. Время встречи тоже не радует оригинальностью – 16.00.

Чистяков задумчиво повертел в руках клочок бумаги. Все это, по его мнению, пахло дешевым бульварным чтением, но что поделать? Условия надо принимать.

– Значит так, – Чистяков вновь прищурил левый глаз. – Пойдете на встречу вот с этим, – он передал Аркадию большую стекляшку. – Это точная копия.

– Ага... – засомневался Аркадий. – Вы думаете, они бриллиант от стекла не отличат? Я так до финала операции не доживу!

– Доживете, батенька, никуда не денетесь, – уверенность Чистякова отчего-то не передалась дальше, по цепочке. Чистяков это почувствовал и одобряюще похлопал Аркадий по плечу. – Не переживайте, не в первый раз. Скоро все закончится. Самое главное, не несите отсебятины. Действуйте четко! Как только передадите камень, врываются наши бойцы. Ну, а дальше, как говорил персонаж известной комедии, дело техники! – И Чистяков залился бодрим смехом.

Весь следующий день Аркадий проторчал у Тигрицкого. Чистяков настоятельно советовал ему не появляться дома до конца операции, на что Аркадий ответил категоричным согласием, таким образом, договоренность была достигнута. Миссия Льва состояла в поддержании друга в надлежащей для боевой операции форме, а именно – сытым и выспавшимся. И, если с первым пунктом Лев успешно справлялся, окучивая своей заботой старого друга, то со сном оказалось все слишком безнадежно. Аркадий нервничал. Он был в ожидании боя. Он готовился морально к самому худшему и не уставал себя терзать чувством вины.

– Какой я был эгоист, Лев! – восклицал он, разглядывая унылый пейзаж за окном. – Как я мог столько лет так жить? Разве я мужик после этого? Я – тряпка, игрушка, пустышка, если хочешь знать! Вот скажи, для чего я существую?

Лев не был расположен поддерживать в друге азарт, копающегося в себе, философа-пессимиста. Ему вообще была чужда вся природа подобных вопросов «ни о чем». Поэтому, когда в очередной раз, Аркадий взорвался смыслом жизни, Лев решил, что пора принимать кардинальные меры в виде снотворного.

Вынув стакан компота с разведенным в ней лекарством, Аркадий еще какое-то время мужественно боролся с охватившей его слабостью, но вскоре сдался и, промычав напоследок что-то о праздности бытия, рухнул на диван.

– Вот и славненько, – потер руки вконец вымотанный Тигрицкий. – Остаток дня хоть в тишине посижу.

К сожалению, Лев не учел самого главного – дозировки. Поэтому, когда будущему герою подоспело время встать на путь великих свершений, оказалось, что он не в состоянии встать даже с дивана. При таком нестабильном состоянии организма, ни о каких свершениях не могло быть и речи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.